

ХАНС РУСЕНФЕЛЬДТ

«Кинематографический текст,
который так и просится на экран»

18+

Publishers Weekly

ВОЛЧЬЕ ЛЕТО

Триллер по-скандинавски

Ханс Русенфельдт

Волчье лето

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Русенфельдт Х.

Волчье лето / Х. Русенфельдт — «Издательство АСТ»,
2020 — (Триллер по-скандинавски)

ISBN 978-5-17-137440-2

Когда в желудке мертвого волка находят человеческие останки, детектив Ханна Вестер понимает, что это лето не будет похоже ни на одно другое. Очевидно, что Хапаранда стала местом действия криминальных разборок. Полиция устанавливает связь между погибшим и кровавой перестрелкой на границе с Финляндией. Сыщикам становится ясно, что в деле замешаны не только большие деньги и крупная партия наркотиков, но и влиятельные силы, которые будут препятствовать расследованию. Но как жертва оказалась в лесу? И куда исчезли наркотики и деньги? Ханна и ее коллеги пытаются докопаться до правды, но времени остается все меньше и меньше. Всего за несколько дней жизнь в тихой Хапаранде перевернется с ног на голову. Захолустный городок содрогнется от обрушившихся на него событий. Чтобы разобраться в этом запутанном деле, Ханна будет вынуждена противостоять собственному прошлому, которое не позволяло ей жить настоящим.

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-137440-2

© Русенфельдт Х., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	47
-----------------------------------	----

Ханс Русенфельдт

Волчье лето

Hans Rosenfeldt

Vargasommar

©Copyright © Hans Rosenfeldt 2020

© Шаболтас А., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

«Кинематографический текст, который так и просится на экран».
Publishers Weekly

Она лежала на боку под обступавшими ее мхом и ветками.

Над головой жужжали комары, она тяжело дышала, ей оставалось всего пара вдохов до потери сознания. Глаза устремились к небу, к невесомым облакам со светящимися розовыми и оранжевыми краями.

Стояло теплое время года. Когда всегда светло.

Уже несколько дней ее преследовало зловоние от инфекции, но погибнет она от другого. И не от отсутствия пищи, голода. Она сыта. Впервые за долгое время.

Рана так и не зажила, как ни старалась она ее очистить. Зараза и жар распространились вверх по конечности. Стая приноровилась двигаться в ее темпе. На время. Трое из ее детенышей последовали за остальными, а с ней остался самый младший. Обреченный на гибель.

Она больше не могла охотиться, а он так и не успел научиться.

О молодых лосях, легкой добыче в светлое время года, не могло быть и речи. Даже мелкая добыча ускользала от нее. Время ягод, которые в экстренном случае могли приглушить голод, еще не пришло. Вчера они нашли немного мяса, спрятанного в лесу, запах которого инстинктивно подталкивал ее к бегству, но дал им силы продвинуться дальше. До опушки со скалистым утесом, где они нашли еще. Гораздо больше. Крупные куски – столько, сколько им не съесть.

Так она, прихрамывая, продолжила путь вместе с самым младшим детенышем, пока он не замедлил шаг, начал стонать, покачиваясь и отклоняясь в сторону, и постепенно выбился из сил.

Она оставалась рядом, пока не удостоверилась, что он мертв, а потом двинулась дальше. Прошла она немного. Спазмы и судороги не дали ей двигаться. Она упала посреди мха и осталась лежать на боку.

В тепле. Под светлым небом. Когда всегда светло.

Все прошло по плану.

По крайней мере, по первоначальному плану.

Первыми прибыть на место, припарковать «Джип» и рядом вплотную черный «Мерседес» на открытом пространстве посреди леса со следами от лесовозов и валочных машин, которые здесь грузились и разворачивались, встать носом к узкой лесной дороге, по которой они сюда приехали. Стекла опущены, тишину нарушало лишь ночное пение птиц, пока шум двигателя не возвестил о прибытии финнов.

Показалась черная «Вольво ХС90». Вадим увидел, как Артем с Михаилом взяли оружие и вышли из «Мерседеса», одновременно он сам вместе с Любой покинул «Джип». Люба ему нравилась, и, как ему казалось, он ей тоже. Они пару раз встречались и пили вместе пиво, а когда ее спросили, с кем она хочет поехать, она выбрала его. Мгновение он колебался, не предложить ли ей остаться в машине, спрятаться, ведь он предчувствует, что все может пойти не так. Но если бы он это сделал, как поступить дальше?

Вместе исчезнуть? Жить долго и счастливо?

Без вариантов – осознав произошедшее, она бы никогда не пошла против Загорного. Вадим точно знал, что не так сильно ей нравится. Поэтому промолчал.

«Вольво» остановилась в паре метров от них, из нее вышли четверо финнов. Все при оружии. Рассредоточиваясь, они подозрительно осматривались.

Полное спокойствие.

Затишье перед бурей.

Лидер группировки, рослый мужчина с короткими волосами ежиком и татуировкой в стиле «трайбл» вокруг глаза, кивнул самому низкорослому и щуплому из четверки – тот вложил пистолет в кобуру, зашел за «Вольво» и открыл багажник. Вадим в свою очередь попятился, на пару шагов приблизившись к багажнику «Джипа».

Пока это был их общий план.

Теперь его личный.

Пуля из винтовки с глушителем прошла у стоявшего ближе всех к машине большого финна под глазом. Мгновенно разлетевшиеся кости, кровь и мозги, когда секунду спустя пуля нашла выход через затылок, заставили остальных действовать инстинктивно.

Все просто начали одновременно стрелять.

Все кроме Вадима, который бросился за «Джип».

Мужчина с татуировкой на лице громко заревел и мгновенно уложил Михаила четырьмя или пятью смертельными выстрелами в грудь. Артем открыл ответный огонь. Две пули попали в татуированного, который, качнувшись назад, но устояв, направил оружие на слишком поздно укrywшегося за «Мерседесом» Артема. Несколько пуль пробили ногу от бедра и ниже. Крича от боли, Артем упал на сухой гравий. Истекая кровью, крича и стреляя, мужчина с татуировкой продолжал двигаться к «Вольво», твердо решив выбраться отсюда живым. Через секунду он, клокоча, упал на колени, выпустил оружие и двумя руками схватился за то, что осталось от его шеи.

Где-то раздавались другие выстрелы и были слышны чьи-то крики.

Артем с трудом принял сидячее положение, тщетно пытаясь остановить хлеставшую из бедра кровь. Последовала еще серия выстрелов, он оцепенел, отчаяние во взгляде сменилось пустотой, губы сложились в несколько беззвучных слов, прежде чем он упал вперед с повисшей на грудь головой.

Третий финн успел спрятаться в неглубокой канаве, откуда имел хороший обзор в про-свет под припаркованными машинами, и плотная очередь из его автомата угодила Артему в поясницу. Вадима осенило, что и он находится на виду, и он нашел укрытие за одним из больших колес «Джипа». Оказавшись сбоку от автомобиля, он увидел на земле труп самого маленького из четырех финнов.

Любу не видно.

Из канавы на опушке послышалась серия выстрелов и пули ударились о металл на задней стороне колеса, пробивая шину. Одна из пуль прошла сквозь резину и попала Вадиму в бок, прямо над ягодицей. Боль словно электрический разряд пронзила тело. Он сдержал крик, опустил лоб на колени, стараясь стать как можно более незаметным. Когда он снова медленно выдохнул, то понял, что огонь прекратился.

Стояла тишина. Полная тишина.

Ни единого движения, ни голосов, ни криков боли или ярости, ни пения птиц – ничего. Как будто само место задержало дыхание.

Он осторожно посматривал вперед из-за «Джипа».

По-прежнему тишина. По-прежнему ни единого движения.

Он медленно-медленно высунул голову, чтобы лучше все разглядеть. Солнце – за вершинами деревьев, над горизонтом. Представшая перед ним сцена утопала в мягком свете, который бывает только от полуночного солнца в полярный день.

Не спеша он поднялся – в мышцах и связках оставалась пуля, но, похоже, не задела важных органов. Он приложил ладонь к ране. Идет кровь, но не так сильно, чтобы он не смог завязать рану.

– Люба?

Она сидела, прислонившись к заднему бамперу автомобиля финнов; прерывистое дыхание, пропитанная кровью передняя сторона серой футболки под курткой, пистолет в правой руке. Вадим внимательно посмотрел на раны. Кровь вытекала равномерно – артерии не задеты. Пузырьков воздуха нет, значит, скорее всего, легкие целы. Вполне вероятно, что она могла бы и выжить.

– Кто стрелял? – задыхаясь, спросила она и окровавленной рукой схватилась за куртку Вадима. – Кто, черт побери, начал стрелять?

– Он с нами.

– Чего? Что значит с нами? Кто?

– Иди сюда.

Он осторожно забрал у нее пистолет, сунул в карман, а затем встал, наклонился и помог ей подняться. Она сморщилась от боли и напряжения, но выпрямилась. Придерживая ее за талию и положив ее руку себе на плечи, Вадим вышел на открытое пространство между припаркованными машинами. Поровнявшись с местом падения того финна с татуировкой, Вадим аккуратно снял руку Любы, отпустил ее талию и сделал два широких шага в сторону.

– Прости...

Сначала непонимающий взгляд Любы, но потом осознание того, что он совершил, куда привез ее, прямо перед тем как пуля из винтовки с глушителем попала в висок и Любу отбросило на землю.

Вадим прижал руку к ране у поясницы и потянулся, выдыхая набранный глубоко в легкие воздух.

Однако все прошло по плану.

Город просыпается.

Как она делает всегда. Всегда делала.

Фридрихсгамский мир 1809 года. Простым росчерком пера Швеция потеряла третью часть территории и четверть населения. Российская империя получила Финляндию, а вместе с ней город Турнио, на тот момент крупнейший центр торговли в регионе. Новая граница прошла по середине реки, и Швеция вдруг осталась без города на этой территории. Все сходились на том, что город нужен, но где он должен находиться? Предложений было немало, а споры велись долго. Пока люди пытались договориться, она терпеливо ждала – из деревушки с парой дворов превратилась в поселок, и наконец была провозглашена городом. 1842 – год ее рождения.

Хапаранда от финского Наапаранта, по-шведски Аспстранд, «осиновый берег».

Наступили хорошие годы, когда она росла как на дрожжах. Дела у нее шли наилучшим образом, в то время как другие переживали самые трудные для них времена. Есть свои преимущества в том, чтобы быть нейтральным пограничным городом в охваченном войной мире.

Худо-бедно она оставалась единственными открытыми в Россию воротами. Игольным ушком между востоком и западом.

Товары, письма, продукты, люди.

Грузы: легальные, нелегальные, живые, ценные, опасные.

Через нее шел весь мировой трафик – неважно, что перевозилось. Она цвела. Процветала.

Сегодня она немного поникла. Ведет, очевидно, более спокойную жизнь. Медленно сжимается. Полного краха не случается, но каждый год в ней умирают и покидают ее больше людей, чем рождаются и приезжают.

Она хорошо знает своих жителей. Делит их жизнь, все видит и знает. Помнит и ждет с нетерпением. Нуждается в каждом. Она – город и существует, только пока люди решают жить в ней.словно бог, который перестает существовать в ту же секунду, как все перестают верить.

Поэтому, молча и терпеливо простираясь вдоль вечного течения реки, она приветствует новых жителей и оплакивает ушедших.

Мест для парковки было предостаточно, так что Ханна выбрала одно свободное, ближе всего к магазину «Стадиум», вышла из машины и огляделась, заправляя рубашку в форменные брюки. Уходя из отделения полиции, она почувствовала прилив жара, и хоть он и длился пару минут, но она продолжала ощущать, как горит лицо, а по спине течет пот.

Погода не особенно помогала.

Тринадцать дней подряд стояла жара и необычная для июня температура выше двадцати; у торгового центра около трассы Е4 было спокойнее чем обычно, а расположившиеся там в ряд десятки магазинов надеялись, что и им достанется немного силы притяжения «ИКЕА». Сегодня дела шли так себе, отметила Ханна, автоматически бросив взгляд на автомобиль, и проделала остававшиеся до входа в спортивный магазин пару шагов.

Внутри прохладнее, чем снаружи. Редкие покупатели рассредоточены среди стальных вешалок с этикетками, возвещавшими, что товары на них теперь на 40–70 процентов дешевле. Ханна подняла руку, приветствуя женщину за кассой. Не знакома с ней, но знает, кто она. Тарья Бурелль, замужем за Харальдом, младшим братом Карин со стойки администрации. Тарья ответила на приветствие и кивнула вглубь магазина. Ханна сразу увидела, из-за кого она тут.

Молодой мужчина – его она тоже узнала. Йонатан, отзывается на Йонте, фамилию она сразу не вспомнила, значит, он не из самых частых гостей в камере. Она прошла дальше к сваленным друг на друга обувным коробкам у стены, где было выставлено их содержимое. Молодой мужчина, покачиваясь, шагнул к паре тридцатилетних, которые постарались от него уклониться, но при этом не дать ему их прогнать, так что просто-напросто сделали вид, что его не существует.

– Можно вас на минуточку?

Йонте обернулся к Ханне. Если восковое лицо и дерганные движения не известили бы ее о том, что она имеет дело с мужчиной с сильной абстиненцией, то расширенные зрачки сомнений не оставляли. Вероятно, героин. Или Субутекс. Доступ к нему и, следовательно, злоупотребление сильно выросли за последние годы.

– Что? – с возмущением выдавил из себя молодой мужчина, шмыгнув носом.

– Мне просто нужно с вами поговорить, пройдите за мной на улицу.

– Я ничего не сделал.

– Это мы всегда можем обсудить. На улице.

Она коснулась его плеча, а он так резко оттолкнул ее руку, что почти потерял равновесие и вынужденно, чтобы не рухнуть, шагнул назад.

– Отвалите от меня! Я просто прошу денег, – продолжил он, дернув плечом, от чего весь драматизм испарился. – Побираюсь. Это не... это законно.

– О`кей, но когда вам ничего не дают, что вы тогда делаете?

– А что, о чем вы?

Ханна заметила, как он с трудом пытается сфокусировать блуждающий взгляд.

– Вы грозите их избить.

– Ааа, это... я это не сделал...

– Да, но нельзя просто разгуливать и угрожать людям, так что пройдемте.

Она снова положила ладонь ему на плечо, и реакция оказалась такой же как в прошлый раз – резкое движение назад, которое, по-видимому, стало полной неожиданностью для остальных частей тела.

– Уберите свои лапы!

– Без проблем, – ответила Ханна, убирая руку. – Тогда выйдете со мной на улицу?

– Да, но не трогайте меня.

Ханна шагнула вбок и показала рукой, чтобы он шел впереди нее. Покачиваясь, он медленно двинулся к выходу. Когда они проходили мимо ящика с фирменными трусами, он резко схватил несколько упаковок и неуклюже попытался запихнуть их под тонкую куртку.

– Вы серьезно? – устало возмутилась Ханна. – Думаете, я собаку-поводыря забыла на улице?

– Что такое? – отреагировал, казалось, ничего не понимающий Йонте. Ханна со вздохом подошла, взяла белье и кинула его обратно в ящик. Резкий толчок в спину давал понять, что с нее хватит. Он вроде все понял и послушно направился к выходу.

Когда они вышли на яркое солнце, он притормозил и поднял руку для защиты своих чувствительных к свету глаз. Очередной толчок направил его в сторону припаркованной полицейской машины. На полпути он остановился и, прижав руку к животу, немного наклонился вперед. На лбу проступили крупные капли пота.

– Мне хреново.

– Потому что вы пихаете в себя кучу дерьма.

Йонте не ответил, но Ханне показалось, что она увидела слабый кивок, прежде чем Йонте двинулся вперед.

Она посадила его на заднее сиденье, и вскоре они отправились в путь. Ее взгляд упал на собственные руки. Обручальное кольцо, конечно, теперь сидит немного плотнее, чем когда она впервые надела его на безымянный палец, и нет ни малейшего шанса, что она влезла бы в свое свадебное платье, если бы ей это зачем-то понадобилось, но пальцы у нее не толстые. Она сама не толстая. Живот за последний год немного округлился, но пару недель назад она нашла в интернете калькулятор, куда вбиваешь рост и вес и узнаешь свой ИМТ¹. У нее – 27. Она задумалась, не поделиться ли с мужчиной на заднем сиденье забавным фактом, что ее ИМТ равен его IQ. Взгляда в зеркало заднего вида хватило, чтобы понять, что в таком случае ее бы никто не услышал – пассажир на заднем сиденье свесил голову на грудь, будто заснул.

Поездка продолжалась в тишине. Вскоре они оказались на другой стороне Е4, направляясь в более-менее пустынный центр. Клиенты большой мебельной компании редко добирались до исторического центра, который кое-как сводил концы с концами по другую сторону Европейской трассы – в определенном отношении такой же линии раздела, как находящаяся в паре сотен метров граница с Финляндией.

Она свернула налево около красного двухэтажного здания редакции местной газеты «Хапарандабладет», которая сейчас выходит лишь два раза в неделю, и подъехала к довольно безликому вытянутому трехэтажному зданию из желтого кирпича, где располагалась полиция в компании с налоговой, страховой и другими службами.

¹ Индекс массы тела.

Она припарковалась на одном из двух оставшихся свободных мест в паркинге, вышла из машины, наклонилась к заднему сиденью и потрясла мужчину, приведя его в чувство. Он с трудом покинул автомобиль и сам, без ее указаний, направился к двери в изолятор. Внезапно он остановился, оперся одной рукой о капот и застонал. Ханна как раз достаточно поравнялась с ним, чтобы увидеть его пустой взгляд. Без малейшего предупреждения мощная струя рвоты угодила ей прямо под подбородок, сквозь ткань Ханна почувствовала тепло, стекавшее вниз по рубашке. Вонь мгновенно ударила ей в нос.

– Да черт побери!

Она успела шагнуть в сторону, так что следующая крупная порция приземлилась на пол рядом с ней и лишь запачкала обувь и нижнюю часть брюк.

Молодой мужчина выпрямился, глубоко вздохнув и с облегчением улыбнувшись. Стараясь делать небольшие короткие вдохи ртом, Ханна толкнула дверь в маленькое помещение, где задержанных регистрировали и затем отправляли в одну из четырех камер, которые оказались сегодня пустыми. Задержанную на прошлой неделе за хранение наркотиков женщину арестовали и перевели в Лулео, на выходных был случай нетрезвого вождения, они выписали два штрафа на месте – один за снятый с регистрации автомобиль, второй за использование прицепа без прав, – а утром в воскресенье помогали работникам скорой с пьяной женщиной, сломавшей запястье, и нашли сбитого оленя на обочине. В изолятор никто не попал.

Морган Берг шел по коридору с чашкой в руке, остановился и попятился назад, когда увидел, что его ожидает.

– Зарегистрируйте его, – приказала Ханна и толкнула Йонте к приделанной к стене скамейке напротив маленькой регистрационной будки. Не дожидаясь ни ответа, ни возмущений, она развернулась, достала карточку-пропуск и открыла дверь у себя за спиной. Короткий коридор, голубые металлические шкафчики с одной стороны, отдельные стулья тут и там, трубы и провода на потолке. Посетителю он сразу напомнил бы тоннель, но это была мужская раздевалка, через которую необходимо пройти, чтобы попасть в женскую.

Ханна подошла к своему шкафчику и начала раздеваться. Непонятно, это просто запах рвоты или ей правда немного попало в рот. Она старалась подавить собственные рвотные позывы. Она всегда с трудом справлялась: когда дети были маленькими и их тошнило, Томас брал на себя все заботы. Она с отвращением расстегнула, сорвала с себя рубашку и швырнула ее на пол. Наклонилась и сняла обувь и носки. Звонок телефона застал ее в бюстгальтере и форменных брюках. Одолеваемая соблазном не отвечать, она все-таки бросила взгляд на экран.

Уппсала.

Там учится Габриэль.

Номер не его, но, может, это его друг, вдруг он потерял телефон, что-то могло случиться. Она нажала на кнопку приема вызова, коротко ответив: – Да, Ханна.

– А, да, алло, это Ханна... Вестер? – услышала она голос на другом конце, который явно где-то искал ее фамилию, прежде чем произнести ее.

– Да, кто это?

– Извините, меня зовут Бенни Свенсён, я звоню из НВИ. – На секунду он умолк, видимо, размышляя, не объяснить ли значение НВИ, но очевидно передумал. – Хотел бы поговорить с вами о тех волках, вы ведь ими занимаетесь?

Она и правда ими занималась.

Вела предварительное следствие по делу о нарушении правил охоты, где фигурировали волки. Немецкий путешественник позвонил в среду и на ломаном английском взволнованно рассказал, что нашел мертвого волка. Долго друг друга не понимая, они наконец смогли разобрать название места. По приезде туда оказалось, что речь идет не об одном мертвом волке, а о двух. Самка и детеныш. Видимые внешние повреждения отсутствовали, но казалось маловероятным, что оба могли умереть от естественных причин всего в километре друг от друга. В

любом случае, согласно протоколу, трупы отправили в Национальный ветеринарный институт, по указанию которого теперь звонил Бенни Свенсён.

– Видимо, да, – подтвердила Ханна и подавила желание сплунуть. – Если вы о самке и детеныше, найденных рядом с Каттиласаари в среду.

– Да, это они, у нас сейчас тут других волков нет.

– Ну, откуда мне это знать?

– Да, конечно, но...

– Неважно, что вы хотели? – Она пожалела, что ответила на звонок, ей хотелось только как можно скорее снять оставшуюся одежду и прыгнуть в душ. К тому же она думала, что знает причину его звонка. Волков отравили. Речь шла о деле о нарушении правил охоты, которое с высокой вероятностью сразу закроют, как только доведут до прокурора в Лулео. Ресурсозатратное дело с низким приоритетом и процентом раскрытия. Волки редко появлялись на этой территории, никакого постоянного ареала тут, насколько ей известно, нет, но иногда они забредали из других частей Швеции, из России, Финляндии и Норвегии. Однако когда их обнаруживали, они обычно вскоре «исчезали».

– Причина смерти – отравление, – отчетливо услышала она слова Бенни, и у нее перед глазами возникла картина, как он зачитывает протокол вскрытия.

– Отлично, теперь я в курсе, – сказала она, одновременно расстегивая брюки и вылезая из штанин. – Мне сейчас немного неудобно, так что не могли бы вы прислать протокол, спасибо. – Она ясно давала понять, что хочет завершить разговор. Так ей казалось. Очевидно, для Бенни это прошло совершенно незамеченным.

– Есть еще кое-что.

– Что же? – резко спросила она не в силах сдержать нетерпение. От его слов она замерла, на мгновение забыв, что стоит полуголая, испачканная рвотой, сомневаясь, верно ли все слышала.

– Она съела человека? – переспросил, уставившись на Ханну, Гордон Бакман Ниска. Его тон выдавал, что ему не очень-то хочется в это верить и вместе с тем он уже размышляет о последствиях, если это все-таки правда.

– Они оба, по информации НВИ, – утвердительно кивнула Ханна.

Гордон глубоко вздохнул и ловко поднялся с эргономически безупречного офисного кресла, подошел к выходящему на улицу Страндвэген окну, окинув взглядом парковку на противоположной стороне. В свои тридцать шесть он был самым молодым комиссаром в истории Хапаранды, а светло-голубая рубашка кроя слим-фит подчеркивала, что он еще и в самой хорошей физической форме. Дополнительными доказательствами выступали дипломы с трех соревнований Ironman и четырех «Свенска Классикер», висевшие над низкой книжной полкой за его столом. Ханна с Морганом молча стояли в ожидании, пока Гордон засовывал под верхнюю губу пакетик снюса.

Иногда Ханна чувствовала вкус снюса, когда ее язык оказывался у него во рту. Ей это не нравилось.

– Они растерзали человека, – продолжил Гордон, скорее констатируя случившееся, и заметная усталость являлась признаком того, что он начал осознавать последствия.

Внимание. Заголовки.

Проблема диких животных в целом и волков в особенности расколола Швецию. С каждым годом дебаты становились все жестче и агрессивнее. Обыденностью стали угрозы, шантаж и разоблачения в сети с обеих сторон. Перемежавшиеся порчей имущества и насилием. Волконенавистники просто мечтали бы от разговоров об убитых охотничьих собаках и атаках на людей в горных районах Казахстана перейти к волку, который действительно убил человека в Швеции. Но как только они становятся более громкими и заметными, то и сопротивление воз-

растает, усиливается поляризация, распространяется на все связанное с охотой. В зоне ответственности Гордона Бакмана Ниска много охотников.

– Как минимум обглодали его частично, – сказала Ханна. – Нам неизвестно, съели ли они кого-то.

– Как иначе это могло произойти? – удивился Гордон, оборачиваясь к ним.

– Кто-то ведь мог умереть там от других причин, – ответила Ханна и пожала плечами. – Путешественник или рыбак, у которого случился инфаркт, да что угодно.

Конечно, возможно, но сама она понимала, что ее слова звучат неубедительно, и это подтвердил скептический взгляд Гордона.

– Звучит не очень правдоподобно, да?

– То, что они кого-то растерзали, – тоже не очень правдоподобно, – возразил Морган своим спокойным низким голосом. – Кроме той погибшей на хребте Кольморден в Швеции за двести лет волки не нападали на людей.

Ни Ханна, ни Гордон даже не задумались поинтересоваться, откуда Морган это знает. Они привыкли, что он знает почти все обо всем. Он трижды участвовал и выигрывал в финале 10 тысяч крон в шоу «Кто знает больше всего?». В 2003-м он участвовал в «Кто хочет стать миллионером?» на канале ТВ4 и дошел до финала. Выиграл три миллиона крон и у него остались еще две подсказки. Об этом знала вся Хапаранда, но никто, сам Морган в особенности, об этом не распространялся.

– Нам немного повезло: волк пришел из Швеции, из южной части, и имел метку для отслеживания, – сказала Ханна. Гордон взглядом демонстрировал ей, что ждет продолжения. – Человеческие останки провели в желудке максимум полтора суток, как говорят в НВИ, возможно, меньше. Если в муниципалитете отследили перемещение волка, то наверняка мы сможем пройти тем же путем и найти оставшиеся части тела.

– Какое расстояние волк преодолевает за тридцать шесть часов?

– Между двадцатью и сорока километрами в сутки, – ответил Морган.

– Самку ранили, – вклинулась Ханна. – Она не могла идти так быстро.

– Раненая самка с детенышем, – кивнул Морган. – Это немного меняет дело, значит, она нападает на то, до чего может дотянуться. На медленные объекты...

– Насколько подробную информацию дает муниципальный GPS или спутник или что там они используют? – вздохнул Гордон, хорошо понимая, на что намекает коллега.

– Не знаю, – ответил в непривычной для себя манере Морган. – Могу позвонить и узнать.

– Давай, найди ответственного за отслеживание именно этого волка и удостоверься, чтобы они прислали максимально подробную карту.

Морган ухватился за свою пышную бороду, будто собираясь что-то добавить, но затем кивнул и вышел.

Гордон прошел мимо стола к стене, на которой карта полицейского округа соседствовала с белой доской, в данный момент завешанной рабочим и отпускным расписанием. Ничего необычного в том, что у Гордона самый большой кабинет в здании. Если бы Ханна сделала пару шагов от стола у себя, то уперлась бы в стену.

– Где мы обнаружили волков?

Ханна подошла и указала на место примерно в трех милях² на северо-запад от Хапаранды, в паре сантиметров от деревни Каттиласаари. Гордон подошел к Ханне сзади. Близко, так близко, что она почувствовала его тепло.

– На тебя сегодня кого-то вытошнило?

Ханна повернулась, одновременно поднимая воротник чистой рубашки, чтобы его понюхать.

² 1 шведская миля = 10 км.

– Пахну?

– Нет, я слышал просто.

– Да это он, Йонте... как же его там.

– Лундин.

– Точно! Лундин. – Она снова перевела внимание на карту. – Вот тут мы их нашли.

– Тридцать шесть часов, скажем, тридцать километров в сутки, получается сорокапятикилометровый радиус. – Гордон проверил масштаб карты, взял линейку и карандаш со стола, отмерил, нарисовал круг и начал разглядывать свое творение. – Леса выше крыши. Нам нужно больше людей.

– Наверное, стоит подождать новостей от Моргана. Если след не четкий, то мы его никогда не найдем.

– Это был мужчина? Мы владеем такой информацией?

Ханна быстро прокрутила в голове разговор с Бенни Свенсёном. Он сказал «человек», ничего не упоминая о поле.

– Нет, извини, они не уточняли.

– А что если нам повезло, и сейчас заявили о пропаже кого-то?

Ханна покачала головой. Гордон снова вздохнул и, взглянув на карту еще раз, вернулся и сел за стол.

– Окей,ждемся Моргана и решим, что делать.

Встреча очевидно закончилась. Ханна направилась к двери, но он остановил ее как раз перед выходом в коридор.

– Я знаю, что ты сама знаешь, но пусть все это остается между нами троими, пока не узнаем, с чем имеем дело.

В темных глазах Гордона она заметила редкую для него серьезность. Ему всегда удавалось многое переводить в шутку, при этом не относясь к работе легкомысленно и не теряя авторитета. Ханна кивнула, вышла из его кабинета и пошла по коридору, отмечая про себя, что день пока выходит совершенно дерьмовым.

Десять человек.

Гордон силился припомнить, когда еще они встречались таким многочисленным составом в переговорной на втором этаже. Все они расположились вокруг продолговатого стола из светлого дерева, но Морган остался стоять, прислонившись к стене, которая от пола до потолка, по всей длине комнаты, была заставлена старыми книгами. Из-за коричневых и черных изветшавших от времени и использования кожаных корешков комната производила впечатление перестроенного старинного архива, а не современной переговорной. Здесь царили книги. Вместе с гигантским гербом полиции на стене, втиснутым между рядами пожелтевших фотографий бывших полицейских начальников, к которым все присутствующие сидели спиной, а их взгляды были направлены на Гордона перед развернутым белым экраном в другом конце комнаты. Под потолком жужжал проектор, демонстрируя карту с тонкой синей линией, проходившей зигзагом через север Швеции, а затем обрывающейся, чуть не доходя до Хапаранды.

– Что у нас тут? – поинтересовался Роджер Хаммар, самый высокий и худой сотрудник отдела, которого за гангстерскую внешность и низкий бас прозвали «Ларч» – для большинства моложе сорока эта отсылка оставалась непонятной. Вместо прямого ответа Гордон повернулся к одному из четверых присутствовавших в комнате людей не из полиции и слегка кивнул.

Йенс, молодой энергичный мужчина из муниципалитета в Лулео. Когда Морган попросил его прислать карту, у него возникла идея лучше, а именно – самому приехать с ней и дать более подробные объяснения. Морган спокойно дал понять, что, наверное, они сами смогут разобраться с картой, но Йенс настоял на своем. Морган предположил, что в муниципалитете происходит мало интересного.

– Здесь вы на прошлой неделе нашли двух мертвых волков, – сказал Йенс, потянувшись на стуле и направив лазерную указку на карту. Гордон услышал громкий вздох Ханны от окна, где она стояла с П-У, на десять лет ее моложе, но с его белыми как мел редкими волосами и осунувшимся лицом, кожа на котором будто обвисла, он производил впечатление человека готового в любой момент выйти на пенсию. Гордон заметил, как Ханна закатила глаза, подумал, что в голову им пришло одно и то же, когда около Каттиласаари появилась маленькая красная точка. Неужели трудно встать, выйти вперед и показать рукой? И разве не бред использовать лазерную указку?

– Как вы знаете, один из них имел метку, так что нам известно, куда он направился. Красная точка начала двигаться по синей линии. – Он был из более крупной стаи с юга, которая пришла сюда, на восток от городка Стуруман, на север между населенными пунктами Арвидсьяур и Арьеплуг до окрестностей местечка Йокмокк, где он свернул, направился на юго-восток и, по-видимому, собирался перейти на территорию Финляндии, но погиб вот здесь.

Точка вернулась на исходную позицию рядом с Каттиласаари. – Он перестал двигаться в 4:33, и вы спросите, где он был за полтора суток до этого.

Маленькая указка остановилась чуть к северу от деревни Витваттнет. – Вот здесь. Он прошел сорок один километр за последние тридцать шесть часов.

Йенс выключил указку и снова откинулся на спинку стула, с виду удовлетворенный своим выступлением. Все присутствующие молча удивлялись, пока Роджер снова не взял слово.

– Окей, *зачем* нам это? Зачем мы отслеживаем мертвого волка?

Вопрос логичный, учитывая, что Гордон предпочел не рассказывать о причине сегодняшней встречи, будучи убежденным, что чем меньше людей знают реальные обстоятельства, тем лучше.

Но теперь пришло время.

Шесть полицейских и четверо гражданских.

Он позвонил и попросил подкрепления из Каликса, но так как они не смогли никого предоставить, вызвал Адриана, своего брата, кто, как знал Гордон, умел хранить секреты, а Морган попросил помощи у соседей, шестидесятилетней пары, которых он хорошо знал и мог за них поручиться. И еще Йенс из муниципалитета. Когда Морган только рассказал, Йенс настоял на том, чтобы приехать лично, он произвел на Гордона впечатление человека, стремящегося показаться интереснее, чем есть на самом деле. Использование дурацкой лазерной указки это впечатление не изменило. Наверняка где-то есть Твиттер-аккаунт, куда это ни в коем случае не должно утечь, так что Гордон уставился на Йенса.

– Пока не узнаем точно, что произошло, абсолютно ничего нельзя выносить за пределы этого помещения, – начал Гордон, заметив, как все присутствующие кивают – сложно не заметить серьезность в его голосе. – Обнаруженные нами волки съели части человеческого тела.

– Какие? – спросил Йенс.

Гордон повернулся к нему с недоумением «что это за идиотский вопрос» в глазах.

– А это имеет значение? – риторически спросил он и обернулся к остальным. – Мы должны найти остальное.

Последнюю машину они встретили десять минут назад. На спидометре стабильные 80 км/ч. Пустая прямая дорога, окруженная зеленью, уходит вперед. Как только исчез снег, весна, как всегда, поторопилась укрыть все первой растительностью. Теперь повсюду в канавах распускались цветы. Для Ханны они были просто маленькими неизвестными мазками белого, фиолетового и синего цвета. Томас точно знал названия большинства из них, как, вероятно, и Гордон. Она никогда не спрашивала. Не задерживая ни на чем взгляд, она смотрела на редкий лес за окном. На темные и мрачные ели на фоне значительно более многочисленных лиственных деревьев с недавно распустившейся нежной листвой. То и дело появлялся участок без леса,

холмистое поле или луг, где на горизонте виднелись горы. За линией деревьев – ничего, так что горы скорее производили впечатление накатывающей мягкой зеленой волны, чем чего-то массивного и жесткого, ломающего ландшафт.

Лесное море. Везде, один лес.

Вид через лобовое стекло давал ощущение покоя и умиротворения. Легко представить отдаленное щебетание птиц, перемежающееся шелестом деревьев от легкого ветра. Представить и заскучать.

Как только они выехали из Хапаранды, Йенс начал говорить о работе, о том, как он туда попал, каким скучным она выглядела со стороны, но на самом деле была довольно интересной. Конечно, не такой захватывающей, как работа в полиции, но все равно. О том, что, если окажется, что волк действительно напал на человека, как это повлияет на будущие решения в сфере охоты. Сам Йенс труп никогда не видел, как и большинство в его возрасте, полагал он.

Ханна впервые увидела мертвого человека в четырнадцать, но не стала ничего говорить.

Оба ничего не говорили.

Вежливые дежурные вопросы и односложные ответы от нее и Гордона давно прекратились, последнюю четверть часа занимал монолог с заднего сиденья. Йенс очевидно осознал это только за несколько минут до места назначения.

– Моя девушка считает, что я слишком много говорю, – сказал он, как будто даже извиняясь.

– Ваша девушка права, – констатировала Ханна.

Йенс кивнул в ответ на эту колкость и замолчал. Ханна заметила, как Гордон поглядывает на нее с задорной улыбкой. Ехать с Йенсом – небольшое испытание, но пользы он принес больше, чем они ожидали. Он позаботился о том, чтобы все скачали карту на телефон, чтобы телефоны соединялись с теми же спутниками, с помощью которых отслеживали волков и которые теперь могли подать сигнал, если человек отклоняется больше чем на пару метров от намеченного маршрута. Ни Гордон, ни Ханна не разбирались в том, как это работает, главное, что работает.

Морган вместе со своими соседями отправился к месту обнаружения недалеко от Каттиласаари, откуда они должны следовать по маршруту волков на северо-запад. Ларч, П-У и Людвиг из участка вместе с братом Гордона направились севернее, туда, где животные пересекли дорогу 398 между Рутаярви и Лапптрэскет. Там они должны разделиться. Двое пойдут на юго-восток и, как они надеялись, через десять километров встретятся с Морганом и его соседями. Двое пойдут по следу на северо-запад и приблизительно через такое же расстояние встретят Гордона, Ханну и Йенса. Планировалось, что четыре группы охватят по одной миле каждая и, если все пойдет по плану, найдут тело за два-три часа.

Они въехали в Витваттнет с юга и припарковались у красного здания вокзала. Как и многие местечки в Швеции, маленькое поселение расцвело вместе с завершением строительства железной дороги и, как и многие другие, опустело, завяло и потеряло значение, когда железная дорога исчезла. Когда-то здесь располагалась почта, церковь, кафе, магазины, заправка и собственная школа. Сейчас остался лишь один магазинчик и две бензоколонки.

Ханна вышла из машины. В Витваттнете она уже бывала, но ни в одну из поездок не видела ни единой живой души. Работа, учеба, дела, развлечения – все происходило где-то в другом месте. Гордон подошел к ней и протянул бутылку спрея от комаров. На открытом пространстве перед вокзалом их не было, но в лесу, среди деревьев и растительности, все будет иначе.

Йенс достал айпэд, они пересекли железнодорожные пути и вошли в лес на другой стороне.

– Теперь мы на их маршруте, – сказал Йенс, остановившись через пару сотен метров. Точка на экране прямо на тонкой синей линии. – Нам нужно идти вон туда, – добавил он, показывая на деревья к юго-востоку.

Они отправились в путь.

Йенс – наклонив голову, глаза устремлены в экран. Ханна с Гордоном – по бокам от него, разглядывая землю, которая поверх корней и под упавшими ветками в основном была покрыта мягким мхом, кустами брусники и черники. Ханна подумала о Томасе. Почему она ему не позвонила, когда им понадобилось подкрепление? Он любил все это – охоту, рыбалку, прогулки на природе. Когда дети были маленькими, она иногда с ним ездила, изображая энтузиазм. Не хотела, чтобы ее неприятие жизни на природе передалось бы детям. Притворялась, что ей нравится сидеть облепленной комарами, которые всегда кусали ее, а не Томаса, где-нибудь в лесу или на замерзшем озере, пить еле теплый кофе из пластиковой кружки и есть бутерброды.

Давно это было.

Они продолжали идти, глядя на землю, почти не разговаривая, а Йенс периодически корректировал курс. Кроны деревьев скрывали большую часть солнечного света, но в лесу, где царил почти полное безветрие, все равно стало жарко. Ханна расстегнула две верхние пуговицы на форменной рубашке, пока внимательно сканировала взглядом почву. Они пересекли дорогу к деревушке Будтрэск, углубились в лес на другой стороне. Ханна отмахивалась от жужжащих вокруг нее докучливых мух, ощущение свежести после душа, принятого в отделе, улетучилось. Вспотевшая и запыхавшаяся она краем глаза посмотрела на остальных. Йенс весь в айпэде. Гордон совершенно расслаблен.

Почти через час, когда, по словам Йенса, они проделали путь примерно в четыре километра, несколько больших черных воронов поднялись в небо, услышав их шаги, и Ханна сразу, еще ничего не видя, поняла, что они нашли то, что искали.

– Оставайтесь здесь, – сказала она Йенсу, пока сама вместе с Гордоном пошла вперед.

Слово «захоронение» не подходило к увиденному – тело лежало лишь частично закрытое еловыми ветками, мхом и пожухлой травой. Сверху всю конструкцию удерживала на месте пара небольших камней. Человек лежал на спине с торчащей из-под веток рукой. На оголенной руке остался только большой палец и от нее были оторваны крупные куски. На первый взгляд такие раны можно приписать волкам. Выше на плече, на шее и сбоку, на ничем особенно не прикрытой грудной клетке, виднелось множество более маленьких ран от клювов птиц. Вокруг летали крупные мухи. Приблизившись, они почувствовали наполнявший ноздри сладковатый тяжелый запах. На самом деле им лучше ничего не трогать, найденный человек без сомнения мертв, а криминалисты предпочитают, чтобы место оставалось как можно более нетронутым, но Гордон все равно подошел и осторожно отодвинул закрывавшие лицо ветки и прутья.

– Мужчина, – констатировал он, когда достаточно расчистил лицо.

– Если это не какие-то особенные волки, то его точно убили не они, – кивнула Ханна на захоронение. – Похоже, у нас тут убийство.

– Да, хотя хрен знает, может, так оно и лучше, – сказал Гордон и сделал пару шагов назад. – Нам нужно сообщить обо всем, вызвать сюда людей. Наверняка вы точно знаете, где мы, да?

Гордон повернулся к Йенсу, который, побледнев, стоял там, где ему сказали. Он молча кивнул.

– Дайте мне координаты, – сказал Гордон, доставая телефон.

Ханна осмотрелась. Пару сотен метров позади они пересекли небольшую дорожку. Должно быть, она не слишком далеко уходит вправо. Ханна оставила место обнаружения и пошла через лес.

Через некоторое время она вышла на небольшую лесную дорогу. Она представляла собой лишь петлявший след от двух шин и обочину, где автомобили могли разъехаться. Ханна

вытерла со лба пот и бросила взгляд на лес, откуда пришла. Если мужчину не убили там, где они нашли его, если тело привезли сюда для захоронения, то здесь, где она стоит, плюс-минус несколько метров, должно оказаться примерное место парковки. Точно не зная, чего ищет, она медленно пошла вперед по дороге.

Следы крови? Упавший предмет? Может, отпечаток шин?

На последнее мало надежды. После недель без осадков дорога высохла и затвердела. Она прошла еще пару шагов вдоль канавы и внезапно остановилась, нагнувшись.

Обломки. Разноцветные.

Прозрачные белые, красные и желтые.

Она удержалась от порыва поднять их, но была достаточно уверена в том, что это обломки от автомобиля. От фар, габаритных огней и указателя поворота. Что говорило о повреждениях как спереди, так и сзади.

Значит, два автомобиля.

Ханна спустилась в канаву. Колени напомнили о себе, когда она присела на корточки у торчавшего со стороны леса камня. Темно-синий след на одной из граней. Эмаль с автомобиля. Невозможно определить, как давно она тут, но непосредственная близость к разбитому стеклу позволяла предполагать, что краска появилась тут в это же время.

Ханна встала и осмотрелась, как будто пустая дорога могла поведать о произошедшем что-то еще. Порыв ветра из леса принес отрывок разговора Гордона с полицейскими в Лулео. Она знала, что иногда торопится с выводами, но в данном случае была все-таки довольно уверена в себе.

Никто специально не приезжал сюда, чтобы избавиться от тела.

Столкнулись две машины, кто-то погиб и человек из другого автомобиля решил быстро избавиться от тела. Приволок его в лес, как смог, прикрыл, чтобы не видно было с дороги, и поехал дальше.

Ханна остановилась. Оба автомобиля исчезли.

Значит, во второй машине находилось минимум два человека. А может, и нет. Один человек мог сначала отогнать свою машину, потом вернуться и уехать на машине жертвы. Не очень правдоподобно, но вероятность такая есть – на местных пустынных дорогах можно часами оставаться никем не замеченным.

Ханна была вынуждена признать, что единственное, в чем она точно уверена – мужчина мертв, а кто-то, один или несколько, постарались сделать так, чтобы никто не нашел тело. И его, возможно, никто бы и не нашел, если бы кому-то не пришлось в голову отравить двух волков в паре миль отсюда.

Катя ждала.

Она умела ждать.

Провела большую часть взросления, занимаясь именно этим. В ней отпечатались идея, что терпение – это путь к успеху. Она знала, чтобы скоротать время, другие старались ни о чем не думать. Полностью очистить голову, уйти в себя.

Но не она. Ей слишком быстро становилось скучно.

Поэтому она бродила по незнакомой квартире. Две комнаты с кухней на седьмом этаже одиннадцатизэтажного дома на окраине Санкт-Петербурга. Она уже побывала в маленькой спальне, посидела на односпальной кровати с вязаным покрывалом и двумя диванными подушками, с любопытством поизучала немногочисленные предметы на тумбочке, которые дали ей понять, что в квартире живет верующая женщина, нуждающаяся в очках для чтения и на первый взгляд не имеющая активной половой жизни.

На комоде у окна – фото знакомого Кате мужчины.

Станислав Кузнецов.

Там, перед старинным настольным зеркалом, лежала косметика. Не задумываясь, она начала переставлять ее так, чтобы предметы располагались по размеру: отдельно круглые, отдельно четырехугольные, три помады – по цвету, от светлой к темной, и одновременно смотрела в окно на другие одиннадцатизэтажные дома, окружавшие двор, где не хватало деревьев и зелени, чтобы он стал привлекательным для кого-то кроме тех, кто чувствовал необходимость приводить детей на безликую, выдающую виды площадку в центре.

Нижнее белье, чулки, сорочки, шали и платки – в двух ящиках комода. Катя потратила несколько минут, складывая их и помещая в аккуратные стопки, прежде чем открыла шкаф.

Платья, блузы и юбки.

Не очень много всего. Она быстро перевесила вешалки, так чтобы разные предметы висели вместе, слева направо: блузы, юбки, платья. Взглянув напоследок на ничем не примечательные картины на темно-зеленых стенах, она покинула спальню и вошла в гостиную.

Трехместный диван, явно сделанный в 90-х, с покрытым пятнами журнальным столиком перед ним. Под столиком – ковер с длинным ворсом приглушенного зеленого цвета. Просиженное кресло. Все повернуто к телевизору на стене и книжному шкафу, загроможденному томами и с фотографиями в рамках, как она полагала, членов семьи или дальних родственников.

Катя наобум взяла альбом и села в кресло. По ее догадкам, снимки были сделаны в 70-х, поскольку мальчик, должно быть, Станислав, выглядел лет на шесть-семь. Он и его старшая сестра присутствовали на большинстве фотографий, иногда вместе с мужчиной, их отцом, как думала Катя. Она знала, что восемь лет назад он погиб в автокатастрофе. На одном из снимков он стоял в дверях домика где-то в деревне и шурился на солнце, закрывал глаза рукой и широко улыбался.

Внезапно у нее в голове всплыла фотография с мужчиной, которого она много лет звала отцом. Он тоже стоял в дверях, никакой улыбки и уж точно никакого солнца.

Она тут же подавила воспоминания, закрыла альбом, встала и поставила его обратно на полку, потом подошла к окну. Плотное движение на Афонской улице выдавал лишь отдаленный гул. Она сунула палец в один из горшков на подоконнике и пришла к выводу, что цветок нужно полить, а затем зашла в ванную. Серые непромокаемые обои и линолеум более светлого оттенка. Над раковиной шесть белых плиток кафеля в виде прямоугольника. Глубокая, но короткая чугунная ванна на причудливых железных лапках, с душевой занавеской с подобием ангелов по краям.

На мгновение она перенеслась в большой зал.

Двенадцать ванн в ряд, наполненных четырехградусной водой.

Она повернулась к шкафчику над раковиной. Прежде чем его открыть, она увидела свое отражение в зеркальной дверце. Черные, коротко стриженные волосы, выразительные брови над карими глазами, выделяющиеся скулы, прямой нос, полные губы. Как всегда без макияжа, если того не требовала работа. Она знала, что считается красивой, и это помогало ей, упрощало сближение. С мужчинами в особенности, но с годами она убедилась, что независимо от пола все более открыты и дружелюбны с красивыми людьми.

В шкафчике творился бардак. Она опустила крышку унитаза, начала вытаскивать предметы и класть их на нее. Пластыри, зубная паста, зубная нить, спрей для носа, дезодорант, крем, маникюрные ножницы, пилка для стоп, шпильки, клипсы, соль для ванны, бумажные платочки, рецептурные и нерецептурные лекарства. По-прежнему ничего, что бы указывало, что женщина, чей шкафчик Катя опустошала, хоть как-то сексуально активна. Однако, судя по одному из тюбиков, лежавших теперь на крышке унитаза, у нее есть или была грибковая инфекция в малом тазу.

Когда шкафчик опустел, Катя вытерла его влажной туалетной бумагой, а затем поставила все предметы назад в соответствии с системой, где они делились на четыре основных группы: лекарства, средства для тела, уход за волосами, прочее.

Удовлетворенная тем, как она провела эти двадцать минут, она вышла на небольшую кухню. Можно и перекусить, подумала она, и, открыв холодильник, достала масло, сыр, яйца и пиво. Пока на плите готовились яйца, Катя открыла светло-зеленые шкафчики в поисках хлеба, посуды и приборов. Найдя все, что искала, она накрыла маленький стоящий у окна стол. В плетеной корзине на полу лежала газета, для которой писал Кузнецов. Она вытащила ее и положила рядом с блюдцем из шкафчика. Когда яйца сварились, она сполоснула их холодной водой и поставила кастрюлю на подставку.

Она села и приступила к еде, одновременно читая газету. Ей пришла мысль, что не помешала бы музыка, и она начала осматриваться в поисках радио или чего-то похожего. Но ничего не нашла и, может, оно и к лучшему. Если бы на момент их возвращения из квартиры звучала музыка, то они могли бы что-то заподозрить. Но она не думала, что они вернутся раньше, чем через несколько часов.

Так что она ждала.

Она умела ждать.

Остаток дня пролетел незаметно.

Ханна вернулась на место обнаружения в тот же момент, как Гордон закончил разговор.

– Что сказали в Лулео?

– Отдел тяжких преступлений берет это на себя.

Вполне ожидаемо. Захороненное тело рассматривалось как жертва убийства, пока не доказано обратное, а убийствами занимались в Лулео.

– Кто там?

– Эриксон.

Эриксон через латинскую букву Х. Александр, но все зовут его «Экс». Ханна знала его. Знала и испытывала симпатию. За годы ее службы он был главным следователем и во многих других делах. В последний раз, когда они выловили тело около реки Кукколафорсен прошлой весной.

Она рассказала о своей находке на дороге, что с высокой вероятностью тут замешаны два автомобиля, один из которых – синий. Гордон слушал и кивал, а потом попросил ее забрать машину из Витваттнета.

– И его заberi, – сказал он, кивнув на Йенса, который сейчас был лишним и стоял без дела около выкорчеванного дерева поодаль.

– Обязательно?

– Да.

– Идите сюда, – махнула она, и они ушли тем же путем, каким пришли, пока Гордон начал обзванивать остальных, чтобы они прекратили поиски и вернулись.

Сорок пять минут спустя Ханна припарковалась ближе, но все-таки не вплотную к месту обнаружения. Йенса она оставила в машине, пока вместе с Гордоном оцепляла дорогу и территорию вокруг захоронения в лесу. Криминалисты точно будут добираться еще час, вероятно, даже больше – бремя маленького местечка, когда основные ресурсы сосредоточены в пятнадцати милях отсюда, – так что Гордон попросил ее отвезти Йенса обратно и прихватить что-нибудь поесть.

По дороге к машине она вдруг почувствовала, как горит лицо и шея, как жар расплзается по телу, на коже открываются все поры, и начинает лить пот. Не глядя в зеркало, она знала, что лицо у нее ярко-красное и блестит от пота, а когда садилась рядом с Йенсом и заводила машину, установила кондиционер на минимум, удержавшись от порыва опустить стекло.

Второй раз за сегодня.

Уже достаточно скверно, когда они случаются раз-другой в неделю, неужели так теперь будет всегда? Как будто у нее пара тренировок в день, но без положительного эффекта. Она только становится насквозь мокрой, с лицом как помидор.

– Можно сделать теплее? – спросил Йенс, когда они проехали пару километров.

– Нет, нельзя.

– Холодноовато.

– Когда ваше тело будет ежедневно над вами измываться, тогда и будете менять температуру в машине, окей?

Йенс кивнул в полном непонимании и попытался поговорить с ней о событиях последних часов, но ее односложное бурчание в ответ еще меньше способствовало разговору, чем по дороге сюда, так что он умолк. Только когда они завернули на парковку перед полицейским участком и он вышел из машины, снова заговорил.

– Сообщите потом, как идет дело?

– Зачем это?

– Мне просто любопытно, чувствую свою причастность.

– Без проблем, – соврала Ханна, чтобы быстро закончить разговор. – У Моргана есть ваши контакты, будем держать вас в курсе. Хорошей дороги!

Она помахала ему, радуясь, что видит его в последний раз, и поехала в супермаркет Соор. Ей на самом деле больше нравился Иса Махи, но Соор был ближе. Она подошла к полке с готовой едой, чтобы выбрать что-нибудь на ужин. Гордон хотел что-нибудь полезное. Она взяла салат с креветками. Все, чего ей на самом деле хотелось, нужно греть в микроволновке, поэтому она выбрала ролл с курицей. В финальный список покупок вошел зерновой мини-багет для Гордона, две бутылки колы и пачка чипсов начос.

Когда она вернулась, у оцепления уже припарковались другие машины. Приехали криминалисты, Гордон сообщил им всю имеющуюся информацию, прибывший с ними врач констатировал смерть, и теперь они делали свою работу. Почувствовав себя лишними в данной ситуации, Гордон с Ханной присели поесть на камень за оцеплением и смотрели, как работают коллеги, они почти не разговаривали. В теле ощущалось спокойствие. Солнце по-прежнему высоко стояло в небе, в теплом воздухе жужжали насекомые, то и дело доносились обрывки негромкого диалога работавших в оцеплении мужчин.

Когда они доели, Ханна предложила самой поехать назад и приступить к бумажной работе – здесь на месте вполне хватит одного человека. Гордон может вернуться с кем-нибудь из криминалистов.

Через два с половиной часа он постучал к ней в дверь, как раз когда она закрывала файл, с которым работала.

– Ты еще здесь, – констатировал он и опустился на единственный стул для посетителей.

– Как раз собиралась идти. Ты только что приехал?

– Да, они прочесали пол-леса.

– Нам известно, кто это был?

Гордон покачал головой и подавил зевок, прикрыв рот рукой.

– Ни удостоверения личности, ничего.

– Как поступим? Выйдем на улицу с фотографией?

– Обсудим это завтра, мы с Эксом.

Гордон снова поднялся, будто сидя чувствовал, как на самом деле устал. Ханна вышла из системы, тоже встала и они вместе пошли по коридору.

– Во всяком случае предварительная причина смерти – перелом шеи.

– Давно он там лежит?

– Сложно сказать точно. Едой для волков он стал неделю назад, значит, тогда уже там лежал.

Они подошли к концу коридора. Кабинет Гордона находился прямо у двери на лестницу.

– До завтра, – сказал он, кивком показывая, что собирается остаться. К своему удивлению, Ханна заметила, что ждала от него вопроса, не хочет ли она подождать его, составить компанию по дороге домой. Она даже на это надеялась.

Раздражает, на нее это не похоже.

– До завтра, – сказала она, толкнула дверь и удалилась вниз по лестнице.

* * *

Минуту спустя она вышла из застекленного холла и сделала глубокий вдох, пока за ней закрывалась дверь.

Светло как днем. Спокойно как ночью.

Редкие машины на трассе E4, но не так много и часто, чтобы не слышно было реки и чирикания птиц внизу с дорожки у берега, когда она направилась в сторону дома. Ей вдруг пришло в голову, что она целый день не разговаривала с Томасом, не рассказала, что случилось, почему она так задержалась. С другой стороны, он тоже не позвонил ей и не спросил. Теперь поздно. Он уже лег спать.

Она пошла дальше, отдаляясь от улицы Страндгатан, повернула на улицу Пакхюсгатан, мимо Городской библиотеки. Когда дети были маленькими, Томас бывал там часто, она – иногда. Прошло несколько лет с тех пор, как она брала библиотечную книгу. Или вообще читала, сказать прямо. Она свернула налево на Стургатан, обычно и так не самую оживленную улицу на свете, но в понедельник в полночь Ханна оказалась тут одна. Прошла мимо большого желтого деревянного дома, в котором находится общество Odd Fellow, и подошла к торговым строениям. Проходя мимо закрытой кондитерской, она осознала, что голодна. После ролла с курицей и начос прошло уже много часов. На следующем перекрестке она остановилась. Здесь она обычно поворачивала на улицу Щепмансгатан, мимо площади, Городского отеля, водонапорной башни и дальше домой. Но что-то грызло изнутри.

ДТП, виновники которого скрылись. Замешаны два автомобиля.

Она почти не надеялась, что он там будет, но она ничего не потеряет, если пройдет мимо. Глянет одним глазком. Снаружи, во дворе, обычно стоит много разных машин.

Она продолжила идти вперед, мимо двух банков и торгового дома Хермансонов, большого грязно-голубого деревянного сооружения, стоявшего здесь с 1832 года и своим главным зданием и двенадцатью магазинами занимавшего целый квартал. Торговые строения сменились обыкновенными безликими трехэтажными жилыми домами из кирпича, которые могли быть построены в каком угодно городе, они делали его неузнаваемым, несмотря на то, что то и дело встречающиеся старинные деревянные дома изо всех сил старались напоминать об идиллическом прошлом улицы Стургатан. Ханна свернула направо на Фабриксгатан и заглянула во двор в глубине за первым низким красным домом.

Похоже, попытка оказалась успешной. В мастерской горел свет. Она внимательно посмотрела на припаркованные снаружи автомобили, прежде чем открыть маленькую железную дверь около широких и грязных ворот в гараж, вывеска на которых сообщала о том, что по будням мастерская закрывается в 19 часов.

Внутри пахло машинами, маслом и выхлопными газами, первые ноты «К Элизе» возвестили о том, что кто-то зашел в помещение, и на мгновение заглушили музыку 80-х, доносившуюся из радио. Четыре машины стояли в холле мастерской. Темно-синей среди них не оказалось.

– Что вы тут делаете?

УВ вылез из смотровой ямы, вытер руки тряпкой, но не выказал намерения подойти и поздороваться за руку. Не из-за грязных рук. Когда-то они уже встречались. Много раз. Еще несколько лет назад в нижней части шкалы наказаний оставалось не так много преступлений, в которых не был бы замешан УВ.

Кражи, грабежи, хранение краденого имущества, торговля запрещенным товаром.

Ходили слухи, что его называли, или он сам представлялся, как УВ, поскольку был представителем криминального мира³ в Хапаранде. Если это правда, то Ханна находила это до смешного высокомерным.

Пять лет назад его арестовали в совместной с финнами операции. Он получил три года тюрьмы за контрабанду наркотиков – 1500 таблеток Субутекса из Франции.

В те времена в Финляндии рынок был гораздо крупнее, но все изменилось. В Хапаранде и во всей провинции Норрботтен выросла своя клиентура. Состояла она в основном из молодых мужчин – вроде тех, с кем Ханна общалась утром. Их было много, слишком много – без ориентиров, без планов, без работы. В Хапаранде – самая высокая безработица в провинции. Выше некуда. Часть порочного круга. Государственная статистика успеваемости в девятом классе средней школы говорила сама за себя. Девочки значительно сильнее, мальчики сильно отстают. Та же ситуация с уровнем знаний во всех предметах. Мальчики показывают результаты сильно ниже средних значений по стране и еще сильнее отстают от девочек. Парни просто-напросто не видели смысла в учебе. Плелись позади. Оставались здесь, в то время как молодые женщины уезжали для продолжения образования. Хапаранда – далеко не единственный из маленьких городов, где имеет место такая тенденция, но проблем от этого меньше не становится.

Когда два года спустя УВ вышел из тюрьмы, он стал отцом, полностью покинул криминальный мир, возглавил автомастерскую, где теперь оставался за полночь.

– Вы работаете допоздна, – констатировала Ханна, ступая по мастерской. УВ прислонился к одному из автомобилей, скрестил руки на груди и стал следить за ней взглядом.

– Что вы хотите? – устало спросил он.

– За последнюю неделю у вас тут не появлялась какая-нибудь машина после столкновения? – поинтересовалась Ханна и обернулась, чтобы посмотреть на его реакцию. Лучше сразу перейти к сути.

– Нет.

Ханна потеряла нить мысли. Из колонок доносились первые едва знакомые ноты саундтрека к фильму Fame. Барабаны и ворчание синтезатора. Она сделала глубокий вдох.

– Можно выключить радио?

– Зачем?

– Можете просто его выключить? Пожалуйста.

Тон не предполагал возражений или вопросов. УВ пожал плечами и ушел выполнять указание. Ханна на секунду прикрыла глаза, раздраженная тем, что не может это контролировать, что все еще так легко разрушить заботливо выстроенные ею стены. Вокруг всего связанного с мамой и не в последнюю очередь вокруг Элин...

– Довольны теперь? – прервал ее размышления УВ.

– Да, спасибо!

Она быстро пришла в себя, теперь стало тихо, она привычно с успехом подавила нежелательные мысли и вернулась к делу.

– Так ни одной машины после столкновения?

– Нет.

– Темно-синей.

³ По-шведски «криминальный мир» – Undre Världen, отсюда имя в виде аббревиатуры УВ.

– Нет, – ответил УВ, помотав головой. – Не темно-синей и никакой другой. Никаких повреждений после столкновения.

– Точно?

– Абсолютно.

Она оставалась на месте, осматриваясь, размышляя, можно ли как-то проверить его слова, и пришла к выводу, что нельзя, по крайней мере, сейчас.

– Сообщите, если такая у вас появится. – Она подошла к нему и протянула визитку. Он даже не протянул руки.

– Я знаю, где вас искать.

Она продолжала смотреть ему в глаза, пока убирала в карман визитку, а потом повернулась и пошла к двери.

– Передайте привет Томпе! – услышала она, когда уже взялась за дверную ручку. Она замерла. Никто не называл ее мужа «Томпа». Как близко они на самом деле знакомы с УВ? Что он хочет ей сказать этой короткой прощальной фразой? Помимо явной демонстрации того, что знает ее и за кем она замужем. Она решила не заниматься интерпретацией и распахнула дверь. «К Элизе» провожала ее, когда она покидала мастерскую и направлялась домой.

УВ дождался, пока дверь закроется, и удостоверился, что Ханна не войдет снова, прежде чем дать волю раздражению и беспокойству. С тех пор, как он отмотал срок, они оставили его в покое. Важно, чтобы так продолжалось и дальше, чтобы все знали, что он завязал и теперь ведет благопристойную жизнь среднестатистического шведа. Он не хотел, чтобы у него тут разгуливала легавая. Не мог себе позволить.

Прицепятся ли они к тому, что он так поздно был на работе?

Начнут следить? Опять в чем-то подозревать?

Его бы не было в мастерской в такое время, если бы не необходимость, если бы страховая не выдала «новое заключение».

Ничего не изменилось.

Ловиса не могла держать голову, разговаривать, смеяться, она почти ничего не видела, питалась через зонд и страдала эпилептическими припадками, иногда по несколько раз за день. В четыре года она во многих отношениях была менее развита, чем новорожденная, и все равно им сократили часы ухода. Они со Стиной оспаривали решение и ругались с муниципалитетом, со всеми, но бесполезно, поэтому им пришлось искать выход. Заниматься делами посменно – кто-то один всегда дома с Ловисой, сутки напролет.

Ничего не получилось.

Стина заболела, с полставки ушла на частичную занятость, а потом вообще на больничный. Он пытался работать столько, сколько мог, но они еле волочили ноги, так что при необходимости платили за услуги помощника.

Что случалось часто. И стоило дорого.

Дела в мастерской шли хорошо, но денег нужно было больше, чем можно заработать на ремонте, замене шин и масла. Поэтому когда они оказались совсем на мели, он связался со своими старыми знакомыми из Финляндии и возобновил деятельность.

В меньшем объеме. Больше никаких наркотиков.

Сейчас дополнительный доход шел в основном от автомобилей, таких как этот «Мерседес» седан S-класса, который он ремонтировал, когда пришла полицейская. Разбитый в США зимой, выкупленный страховой компанией, проданный и отправленный в Европу. Пока все совершенно легально. УВ приводил такие машины в порядок, чаще всего с помощью ворованных запчастей, и выводил на шведский или финский рынок. Продавал их как подержанные, то есть с соответствующими недостатками. Никто не узнает, что машина была металлоломом во Флориде несколько месяцев назад. Большие деньги это не приносило, но было не лишним.

Потом зашла она, легавая. Спросила о повреждениях при столкновении.

Он решил подождать еще день, посмотреть, как будут развиваться события. Какой-то информацией он обладал, но не знал, что с ней сейчас делать. Единственное, в чем он уверен, – нельзя снова загреметь в тюрьму. Стина и Ловиса без него не справятся.

Обнаженная, она вылезла из кровати и направилась в ванную. Она знала, что он смотрит на нее. Они занимались сексом. Она была хороша в постели, научилась этому так же основательно, как и всему остальному. Он оказался лучше, чем она ожидала.

Катя положила на него глаз в баре отеля. Бизнесмен, иностранец. Возраст около сорока пяти лет, незамысловатая внешность – карие глаза, аккуратно подстриженные темные волосы, трехдневная щетина, странный пиджак поверх светло-голубой расстегнутой у ворота рубашки, он более-менее следил за собой. Сидел один с компьютером. Прежде чем подойти, она быстро оценила, нет ли кольца. Ее не волновало, изменяет ли он кому-то, но всегда проще, когда не нужно принимать такое решение. В худшем случае они бы передумали поздно вечером, а ей не хотелось тратить на него время, если окажется, что он не собирается с ней спать. Она подошла и по-английски спросила, свободно ли место напротив, представилась Надей.

Его звали Симон. Симон Нур.

Как оказалось, из Мюнхена.

– Я немного говорю по-немецки, – сказала она с сильным русским акцентом, в котором не было необходимости. По-немецки она говорила бегло и без акцента. И на еще пяти языках, а объясниться могла еще на шести или семи. С наигранной радостью от возможности потренироваться она продолжила говорить по-немецки, сделала пару простых ошибок, над которыми он посмеялся и исправил ее. Она спросила, можно ли его чем-то угостить, но он угостил ее сам.

– Бокал белого вина, пожалуйста.

Он взял пиво. Они чокнулись над его захлопнутым ноутбуком. Она оживленно улыбалась и непринужденно продолжала диалог. Очевидно, он считал себя совсем не парой ей по внешности, и искренняя радость от ее присутствия выдавала, что он не верит своей удаче. Все-таки или скорее как раз поэтому он колебался, когда пару часов спустя она предложила ему где-нибудь уединиться.

– Я не проститутка, – сказала она. Он покраснел и, запинаясь, уверил ее, что у него и мысли такой не было. Он лгал. На западе было общим местом считать, что когда молодые привлекательные женщины подходят к внешне представительным бизнесменам в отеле в Петербурге, то тут замешана проституция. Иногда и шантаж. Она знала, что некоторые работодатели предупреждают об этом своих работников. Так что теперь он сомневался. Раздумывал. Они только что встретились, так что утверждение, что он ей нравится или у нее есть еще какие-то к нему чувства, покажется странным и подозрительным, но если она хочет получить желаемое, нужно, чтобы он не боялся, что ему подмешают снотворное, ограбят или что похуже.

Она сделала ставку на правду. Вернее на один из ее вариантов.

Наклонилась вперед, понизила голос и перешла на английский.

– Я сегодня закончила большую работу, – сказала она, глядя ему в глаза. – Я не местная, завтра уезжаю домой, хочу сегодня расслабиться и люблю секс. – Она продолжала смотреть ему в глаза открытым взглядом.

Перебор? Слишком прямолинейно?

Как оказалось, нет. Симон Нур лишь кивнул и не смог сдержать улыбку, рассказывая, что его комната находится на четвертом этаже.

Катя вернулась из ванной. Симон оставался лежать на двуспальной кровати и продолжал смотреть на Катю так, что его взгляд, даже если он сам это не осознавал, демонстрировал, что он все еще пытался понять, как ему могло так повезти оказаться с ней в одном номере. Она была не против.

– Можно я включу телевизор? – спросила она на ломаном немецком и взяла пульт с маленького письменного стола.

– Ты хочешь сейчас смотреть телевизор? – спросил он, взглянув на часы.

– Хочешь поспать? – поинтересовалась она, специально неверно просклоняв один из глаголов, выражением лица показывая, что в таком случае не будет мешать ему просмотром телевизора.

– Нет, нет, можем посмотреть.

Она снова легла рядом с ним. Взбила подушку за спиной. В одной руке – пульт, другую руку она положила ему на живот. Почувствовала, как от прикосновений у него напрягаются мышцы. Она закинула одну ногу на него, внешней стороной бедра касаясь члена, и начала переключать каналы, пока не нашла какой-то с новостями.

Большая спасательная операция у частично разрушенного жилого комплекса. Одна сторона рухнула полностью, как будто на нее наступил великан, сравнив с землей, но оставив одиннадцать этажей другой половины дома нетронутыми. Спасатели пытаются найти выживших среди обломков. Диктор вместе с бегущей строкой внизу экрана сообщали одно и то же. Теперь подтвердилось, что журналист Станислав Кузнецов вместе с коллегой, Галиной Соколовой, погибли в результате взрыва газа, уничтожившего значительную часть жилого дома на Афонской улице.

– Что случилось? – поинтересовался Симон, кивнув на телевизор, где речь и текст транслировались на русском.

– Взрыв газа. Очень известный, талантливый критик Кремля, журналист погиб вместе с любовницей, когда они трахались в квартире его матери.

– Они так и сказали? – удивился Симон. – Что он изменял.

– Нет, я просто знаю.

На ее мобильный на тумбочке пришло звуковое уведомление. Она взяла его и посмотрела на экран. Оплата прошла. Она позволила себе слегка улыбнуться.

– Хорошие новости?

– Да.

Она положила телефон на место, взяла пульт, выключила звук у телевизора и ее рука скользнула с его живота вниз.

Постепенно она снова возвращается к жизни.

Хапаранда.

Когда в безоблачном небе поднимается солнце, то становится до боли очевидно, что она – стареющая примадонна. Она нуждается в помощи, заботе, равнодушии, а кое-где в чем-то таком простом и понятном как краска, новая обшивка или черепица, чтобы скрыть изъяны, недвусмысленно демонстрирующие, что местами она больше не дышит той жизненной силой и верой в будущее, которыми когда-то обладала.

Тоскует ли она по утерянному величию? Конечно.

Когда-то она не просто чувствовала себя абсолютным центром мира. Она им являлась. Настоящая метрополия далеко на севере. Отовсюду приезжали шпионы, контрабандисты, революционеры, проститутки, дельцы и художники. В номерах «Городского отеля» обсуждалась большая политика, заключались деловые соглашения и решались человеческие судьбы.

В апреле 1917 года по дороге из эмиграции в Швейцарии у нее останавливался Ленин. Сани с лошадьми перевезли его по льду в Торнео и дальше в сторону Петрограда, Октября и поворота в мировой истории. Что человек об этом думает, зависит от того, кто он – она не дает оценок, просто констатирует. Что когда-то все, казалось, знали ее, знали, где она, и хотели в нее попасть.

Солнце поднимается выше, гонит прочь старые и новые тени.

Греет землю на кладбище, где Вальборг Карлссон в утренних лучах возлагает свежие цветы на последнем пристанище мужа. Скучает по нему. Целыми днями. Она рано встает, особенно летом, ходит на кладбище каждый день. Так продолжается последние девять лет – в неведении, что сиделка в доме престарелых, где жил ее муж, убила его инъекцией инсулина.

Небольшая квартира уже нагрелась и в ней пахнет спертым воздухом и мусором – здесь полностью одетый спит в кровати Йонатан «Йонте» Лундин, в поту, но с намеком на улыбку на лице. Пройдет еще несколько часов, прежде чем он проснется, и отчаянная охота за наркотиками начнется вновь. К тому моменту он забудет, что ему снилось, не будет помнить трудноуловимое чувство свободы и счастья, которое, бодрствуя, он не испытывал много лет.

В доме на улице Клевервэген Йенни и Тобиас Вальгрэн нежно и сладостно занимаются сексом. Они поженились в церкви Хапаранды всего две недели назад. Тобиас обещал сам себе, что будет верным после свадьбы, каковым он не был в течение четырех лет их отношений и двух лет после помолвки. Пока слово он держит. Они занимаются любовью без защиты и Тобиас с протяжным стоном кончает в подушку. Один из его сперматозоидов оплодотворит яйцеклетку Йенни и она забеременеет ребенком, о котором через 23 года будут знать все, не только в Хапаранде, но и во всей Швеции.

Стина Лаурин стоит в дверях в спальню дочери. Сейчас Ловиса спокойно спит, но ночью у нее был приступ. Сегодня ночью дежурила Стина, но Деннис проснулся и помог ей. Несмотря на то, что работал допоздна. У него был такой уставший вид, когда сегодня рано утром он уходил в мастерскую, но деньги им сейчас нужны больше, чем ему сон. В последнее время она часто думает, сколько они еще выдержат, она боится потерять его, у нее не получается подавить самое запретное чувство. Мысль о том, что она не любит свою дочь, что их жизнь была бы лучше без нее. И она ненавидит саму себя.

В одном из невысоких маленьких светло-зеленых таунхаусов на улице Корнвэген Криста Раивию, нарезая на завтрак хлеб сыну, размышляет, как объяснить коллегам синяки и распухший глаз. Так же как она часто лелеет мысль, каково это будет, почувствовать, как острый нож входит в грудь ее мужа-насильника. Пройдет еще три года, прежде чем она это узнает.

Сандра Франссон уходит на работу и оставляет Кеннета спящим на втором этаже дома. Она уже с нетерпением ждет времени обеда, когда поедет в торговый центр «Райялла» в Торнео в нескольких сотнях метров на другом берегу реки, по другую сторону границы, и купит ту самую, такую желанную вазу. Шестьдесят евро лежат в переднем кармане брюк. Она понимает, что лучше не стóбит, но хочет себя побаловать. Она этого заслуживает. Так же, как и многие другие жители Хапаранды, она смотрит вверх на ясно-голубое небо и убеждается, что сегодня снова будет хороший день.

Она не знает, никто не знает, что на востоке начинают подниматься темные тучи.

Не успев повернуться, Ханна уже знала, что другая половина кровати окажется пустой. Теперь так было всегда. И по выходным тоже. Томас рано уходил спать, иногда уже около девяти. Спал крепко, на боку, повернувшись к ней спиной, когда она ложилась много часов спустя. Иногда она слышала, но чаще всего нет, как около пяти звонит его будильник. В это время года она даже не знала, ставил ли он его каждое утро. Он просыпался все равно.

Другой суточный ритм.

Он всегда был жаворонком, тренировался, принимал душ и, прежде чем уехать на работу, следил, чтобы дети вовремя встали в школу и взяли с собой все необходимое. Она сама любила часы одиночества, когда вечер перетекает в ночь, когда дети спят, а в доме – тихо. Часы для себя.

Но они успевали видаться, разговаривали.

Вчера они не общались целый день.

Ханна встала и натянула на себя джинсы и кофту, вышла на кухню, автоматически взглянула на кухонный стол, где она и не ожидала увидеть никакой записки, а потом открыла один из шкафов, достала кофе и начала заправлять кофеварку. В ожидании пока стечет кофе, она пробежала глазами первую страницу утренней газеты, которую все еще выписывал Томас. Ни слова о мужчине, которого они вчера нашли в лесу. Нет смысла листать дальше – если бы они об этом узнали, это был бы самый главный и наверняка единственный заголовок. Она взяла телефон, набрала номер и зажала трубку плечом, пока открывала холодильник. Томас ответил после второго гудка.

– Привет, что делаешь? – начала она.

– Работаю или, вернее, сижу на работе, тут довольно спокойно.

Ханна хорошо представляла его перед глазами, откинувшимся на спинку офисного кресла и закинувшим ноги на тумбу под аккуратно организованным письменным столом. Офис находился в последнем доме по улице Сташунсгатан с видом на выглядевший почти как дворец вокзал, построенный на славу и с заделом на будущее во время Первой мировой войны. Или в Доме молодежи, как он с давних пор назывался, поскольку людской поток в Хапаранду и из нее с 1992 года сократился и город больше не нуждался в вокзале. Сейчас снова заговорили о возобновлении сообщения, но большинство людей не спешили верить этому, пока не увидят курсирующие поезда.

– Мы вчера нашли тело, – сказала Ханна, доставая масло, сыр и сок из холодильника.

– Правда?

– Да, поэтому я не пришла домой.

– Окей.

Не такой реакции она ожидала. Его образ у нее в голове выпрямился бы в кресле, наклонился вперед, желая узнать больше, узнать все. Не ограничился бы простым «окей».

Он всегда был искренне заинтересован. Конечно, во времена работы в Стокгольме, но и когда они переехали обратно на север. Хотя она никогда и не охотилась за серийными убийцами и не вела особенно резонансных дел, он всегда был вовлечен в ее работу. Гораздо больше, чем она в его. Она считала, что в сфере аудита обсуждать особо нечего.

– По-видимому, произошло столкновение, в аварии погиб один парень и его похоронили в лесу, – продолжила она, несмотря на отсутствие ответа, и начала намазывать масло на хлебцы.

– У вас есть подозреваемый?

– Нет, мы даже не знаем, кто погиб.

– Кто его нашел?

– Мы. Несколько волков частично обглодали тело и... долгая история.

– Расскажешь вечером. Ты будешь дома?

– Зависит от обстоятельств, но да, думаю, да.

– Окей, тогда до встречи.

Недвусмысленное завершение разговора. Он хочет положить трубку. К ней вернулись утренние мысли. Вчера они вообще не общались, а когда они в последний раз что-то делали вместе? Она не могла вспомнить. Встречались, да, вместе оказывались дома, но вот что-то *делали* вдвоем?

Не то что бы они были завсегдатаями спортивных или уличных мероприятий в регионе, но Томас то и дело находил что-то в газете «НСД» и предлагал сходить. Он совсем перестал это делать, вдруг осенило ее. С каких пор?

– Как близко ты знаешь УВ? – спросила она и начала резать сыр, не желая прекращать разговор.

– Кого?

– УВ. Денниса Ниemi.

– Механика?

– Да.

– Он чинит машины в компании и нашу машину со скутером по необходимости. А что?

– Ничего. Я вчера с ним разговаривала, и он попросил меня передать привет.

Полуправда, но так проще. Имя Томаса в мастерской у УВ напомнило ей о том, что она и не знает, чем он сейчас занимается.

Где, когда или с кем.

У него не просто другой суточный ритм. Они ведут практически параллельные жизни.

За последний год он отсутствовал гораздо чаще, чем обычно. Проводил больше времени на работе, на охоте, рыбалке, на даче, в гостях у племянника. Его к себе притягивало другое.

А может и кто-то другой.

Она так не думала, но не могла быть полностью уверена. Они явно реже занимались сексом. Ханна думала, что будет наоборот, когда в прошлом году съехал последний ребенок – Алисия. Ханна с нетерпением ждала этого. Многие годы им приходилось осторожничать, ждать редких моментов одиночества, чтобы не смущать чувствительных подростков. Теперь они остались вдвоем. Полная свобода. Но в спальне почти ничего не происходило. В конце года она решила отмечать в телефоне, когда они занимались сексом. Простой буквой «с» около даты. Пока в календаре были лишь две «с». Последний раз 8 апреля. Сейчас уже разгар июня.

– Чем ты занимался вчера вечером? – поинтересовалась она и ловко отогнала мысли о том, что он устал от нее. Точнее, от них как от пары.

– Ничего особенного.

– Ты не позвонил.

– Я думал, что ты работаешь, не хотел мешать.

Она отнесла масло и сыр назад. Вспомнила далекие времена, когда они только поженились и переехали в Стокгольм. У нее тогда не было мобильного, почти ни у кого еще не было. Вместо него она пользовалась пейджером, и когда тот вибрировал, она старалась как можно скорее добраться до телефона. Томас сидел дома с Эйлин, что-то могло случиться, но нет. Он просто хотел узнать, как дела, поговорить.

Иногда ему просто хотелось услышать ее голос.

Его не беспокоило, работает ли она. Мешает ли он.

– Окей, – коротко ответила она.

– Ага.

– Ну, увидимся вечером.

– Да, я буду дома как обычно.

Она завершила разговор, положила телефон на столешницу и приступила к завтраку. Полистала газету, чтобы отвлечься. Без особых размышлений или усилий утренний разговор растворился сам по себе.

От бесконечного перемалывания лучше не станет.

После двадцатиминутной прогулки Ханна открыла входную дверь, прошла мимо Карин на вахте, поприветствовав ее, провела своим ключом-карточкой, ввела код и пошла переодеваться в форму.

Поднимаясь на планерку, она услышала за спиной на лестнице шаги. Она остановилась и дождалась Гордона, который подошел к ней с улыбкой на губах и тонкой папкой в руке.

– Привет! А Экс не с тобой? – спросила она, исходя из того, что дело все еще классифицируется как убийство, хотя деяние наверняка переименуют в убийство по неосторожности, если водитель не окажется под воздействием веществ, в таком случае статья окажется более тяжелой. Если они его найдут.

– Он ждет, пока закончат работу судмедэксперты и криминалисты, – ответил Гордон. – Так что мы продолжим работать и будем держать его в курсе.

- Я вчера заходила к УВ, – сказала она, когда они вдвоем направились на офисную кухню.
- Когда?
- По пути домой. Машины после столкновения – я сразу подумала о нем.
- Он завязал, не так ли?
- Говорит, что да, но был в мастерской после полуночи.
- У него наверняка много дел.
- Наверное, прекрасно, когда так хорошо думаешь о людях.

Она улыбнулась ему и открыла дверь в просторное помещение, примыкавшее к переговорной. П-У как грустный бульдог сидел на большом синем угловом диване, глубоко погрузившись в мобильный, но встал, когда их увидел. Ларч стоял около длинной скамьи у стены и ждал, пока кофе-машина закончит цикл.

– Всем привет, – сказала Ханна.

– Привет, привет, – ответил Ларч, забирая кружку. Гордон пошел напрямик в переговорную в компании Роджера и П-У. Ханна нажала на кнопку для большого кофе, особо крепкого, без молока.

В переговорной она уселась рядом с кивнувшим ей Морганом. Напротив сидели Ларч, П-У и самый новенький, Людвиг Симонссон. Работает здесь чуть меньше года. Родился в провинции Смоланд, учился в Вэксхе, но на практику поехал в Каликс и встретил финку, которая жила в Хапаранде. Мать-одиночка. Она и дочь не говорили по-шведски, а Людвиг – по-фински. Но он быстро учился и понимал все больше и больше. Что очень помогало, и не только в личной жизни. Треть жителей Хапаранды родились в Финляндии. Четверо из пяти имели финское происхождение. *Самый финский город Швеции*, как ее часто называли, довольно спорно с точки зрения населения, знающего только шведский. Кто бы что ни думал, но город фактически являлся двуязычным, и становилось все сложнее обходиться без финского.

– Судмедэксперты и криминалисты еще не готовы, – начал Гордон и тихое жужжание в помещении мгновенно прекратилось. – Но они многое успели выяснить за короткое время. Начнем с судмедэкспертов... – Он открыл тонкую папку и просмотрел один из документов. – Как вы уже поняли, все предварительно, но причина смерти – перелом шеи. Раны на ногах указывают на то, что его сбила машина.

– То есть он был не в машине, и его сбили, – вклинилась Ханна скорее с утверждением, чем с вопросом.

– Похоже на то. Еще у него есть пулевое ранение. Над правой ягодицей. Пуля застряла внутри.

Гордон просматривал содержимое папки, потом открыл другой отчет. – Криминалисты говорят, что это калибр 7,62 мм.

– Финские автоматы до сих пор имеют этот калибр, – проинформировал Морган.

– Никаких удостоверений личности, пустые карманы за исключением русского спичечного коробка, русских сигарет и одежды, по крайней мере частично купленной в России, – продолжил Гордон. – Так что, вероятно, русский. В наших базах его нет. – подытожил он и захлопнул папку.

– Что он блин там делал? – воскликнул П-У в пространство.

– Контрабандой занимался, – предположил Ларч, и остальные согласно закивали.

Есть граница – есть контрабанда.

Хапаранда – не исключение.

Конечно, наркотики, но ответственность за большую часть контрабанды лежала на ЕС, который запретил продажу снюса во всех странах союза кроме Швеции. Запрещенный для продажи товар, который невозможно купить законно, а в паре сотен метров – его легальное изобилие. Естественно, он становится контрабандным. Снюс привлекал не только рискованных подростков, желавших подзаработать, провезя через границу на упаковку-другую больше

разрешенного. Большие объемы позволяли получать высокую прибыль. Так что русский контрабандист вполне мог оказаться на лесных дорогах.

– Краска на камнях: мы знаем, от какой она машины? – поинтересовалась Ханна.

– Пока нет. Возможно, узнаем в течение дня.

– Но мы, конечно, полагаем, что на него наехал кто-то из местных умельцев?

– Почему? – спросил Людвиг.

– Дорогу в глуши нужно знать, тебя туда не приведет никакая карта или GPS.

– Разумно, значит концентрируемся на округе Овребюгден. Я займусь поиском людей для обхода домов.

Ханна внутренне соглашалась. Начать с чего-то нужно, а таким образом район поиска сужался, хоть и все равно состоял из двух десятков деревень с 350 жителями, разбросанными по территории в пару десятков миль.

– А не двое ли русских участвовали в той стрельбе около Рованиеми неделю-две назад? – спросил Морган, очевидно, все еще погруженный в мысли о финских автоматах и русских. Все понимали, о чем он. Какие-то переговоры, которые пошли не по плану. Финская полиция не запрашивала помощь, так что никаких подробностей они не знали.

– Думаете, эти события как-то связаны друг с другом? – спросил Людвиг, как обычно произнося яркое раскатистое «р», характерное для диалекта Смоланда.

– Не помешает проверить.

– Могу я, – предложила Ханна, и никто не возражал.

– Рованиеми. Это значит, что к нам пришлют финнов?

– Посмотрим, – ответил Гордон и снова привлек внимание всех за столом. – Мы нашли то, что осталось от мяса, которым отравились волки.

– Правда? – удивилась Ханна. – Когда?

– После того как вы вчера нашли тело, мы с соседями остались и продолжили поиски, – сказал Морган, положив в рот печенье «Браго».

– И?

Она ждала, пока Морган прожует печенье и запьет его кофе, прежде чем ответит, дернув плечом.

– Ничего особенного. Оно лежало там, на камнях. Из-за него еще несколько птиц и лиса лишились жизни.

– Есть у нас предположение, кто его туда положил? – спросил П-У.

– Не-а, но землей по соседству владеет Хеллгрэн.

Все кроме Людвига кивнули почти одновременно. Моргану не нужно было пояснять.

Антон Хеллгрэн.

Подозревался в грубых нарушениях правил охоты, использовании добытой незаконно дичи, отравлении.

На него подавали заявление за незаконную охоту на рысь, королевского орла, росомуху и медведя.

Дела заводились, но он никогда не получал наказание и даже не был признан виновным.

– А что это за яд, нам известно? – спросил Людвиг. – Можем ли мы отследить его происхождение?

– В НВИ сказали, что волки погибли от отравления альфа-хлоралозой. – ответила Ханна. – То есть обычным крысиным ядом, так что, скорее всего, нет.

– Какие наши действия? – спросил П-У, поворачиваясь к Гордону.

– Никаких в отношении Хеллгрена, по крайней мере, сейчас. – Гордон начал собирать бумаги перед собой. – Ханна свяжется с Финляндией, мы будем каждый заниматься своим. У нас сейчас будет небольшая пресс-конференция, после нее, возможно, мы получим какую-то информацию.

- Поспорим о заголовке? – выпалил Морган, улыбаясь за пышной бородой.
- Лучше не будем.
- Русский бандит съеден волками, – сказал Морган, подчеркивая каждое слово жестом.
- Мы не собираемся рассказывать о возможной национальности или волках, так что так не получится, – сказал Гордон, поднимаясь. Встреча завершилась.
- Жаль, это идеальный заголовок. Русские и волки, они пугают людей больше чем что-то вроде «ваша головная боль может оказаться опухолью», это ведь они обычно используют летом.
- Русский бандит съеден волками, как будет по-фински, Людвиг? – спросил Ларч. Коллега некоторое время думал, молча шевеля губами.
- *Venäläisen gangsterin... syönyt sudet.*
- Почти, скоро ты и со своей девушкой сможешь разговаривать, – сказал Морган с улыбкой, положив руку ему на плечо.

Жаль, что нет дождя, думал Сами Ритола, прислонившись к березе и закуривая.

Проливной дождь, черные зонты, сдержанные бородатые мужчины в кожаных куртках, старающиеся быть незаметными полицейские с камерами, вдова и дети около открытой могилы. Могла получиться сцена из фильма. Если бы шел дождь.

Но его не было.

Церемония закончилась. Крепкие мужчины один за другим проходили мимо вдовы и двоих детей, что-то тихо произносили, кивали, клали ладонь ей на плечо или руку, выражая поддержку, обнимали. Сами потушил сигарету, выдохнул весь дым из легких и приготовился. Оpoznаны шестеро из семи погибших на поляне в лесу около Рованиеми. Четверо из них состояли или собирались вступить в Susia MC, одну из старейших банд, появившихся задолго до зарождения Outlaws, Bandidos, Shark Riders, Satudarah и прочих. За последние десять лет количество мотоциклетных банд в Финляндии выросло более чем вдвое, но Susia MC устояла в конкурентной борьбе и даже выросла. Одна из причин, по слухам, – их беспрецедентная безжалостность, другая – хорошие связи с русскими.

С Валерием Загорным.

Очень влиятельный. Очень, очень опасный.

Матти Хусу, рыжебородый лидер банды последние восемь лет, прошел по проходу в сторону парковки, где на своих подпорках стояли мотоциклы, образуя впечатляющий симметричный ряд. Каблуки сапог стучали по асфальту. Сами покинул свой пост под березой и тихо выплыл у Матти под боком, когда тот проходил мимо. Матти, не замедляя шаг, бросил на него беглый взгляд, красноречиво показывающий, что он думает о присутствии Сами.

– Красивая церемония.

Никакой реакции, они продолжили идти дальше. Сами выглянул из-за плеча. Остальные из банды за спиной, все пристально и недружелюбно на него смотрят. Сами кивнул на могилу на заднем плане.

– Пентти, какой парень! Мне нравилась «трайбл» штука у него вокруг глаза, просто класс! – Он снова повернулся к Матти. – Он сделал эту татуировку до Майка Тайсона или как, знаешь?

– Не говори о нем.

– О чем поговорим тогда?

– Ни о чем, нам не о чем разговаривать.

– А у меня есть о чем, и ты знаешь, как я говорю обычно: либо здесь, либо в участке.

Он достал из кармана пачку сигарет и протянул ее Матти, который после пары секунд колебаний со вздохом взял одну. Он остановился, кивнул остальным, чтобы те двигались дальше, пока Сами доставал зажигалку и закуривал.

– Мы хотим одного и того же, – сказал он, выдыхая дым. – Кто-то отстрелил Пентти шею. Так говорят? Отстрелил шею... Да не важно, в любом случае кто-то сделал именно это. И убил других твоих ребят. Я хочу его найти.

Матти молчал, затаился, посмотрел на остальных, уже сидевших на мотоциклах в ожидании.

– На месте был русский джип, – продолжал Сами. – Мы установили личности еще двоих. Оба русские. Что случилось?

– А ты не знаешь? Ты обычно знаешь все.

– Ну давай, помоги немного.

– Ты никогда его не найдешь.

Сами вздрогнул. Такое безапелляционное утверждение конечно вызывало вопросы. Вопросы, на которые не только он хотел получить ответы.

– Ты знаешь, кто он? Где?

Матти молча посмотрел ему в глаза, своим видом демонстрируя, что уже, кажется, сказал слишком много. Сами покачал головой и озабоченно окинул взглядом бородастого главара.

– Матти, дела обстоят вот так. Ребята из Оулу уже взяли дело на себя. Если газеты продолжат писать, то скоро подключится Хельсинки, тут можно набрать политические очки, знаешь, всерьез заняться бандами, организованной преступностью, и все такое прочее. Сюда придет больше людей, здесь будет больше ресурсов, за вами будут следить сутками, что усложнит вам ведение дел.

Он замолчал и затаился, глядя Матти в глаза, чтобы отследить реакцию на его маленькую речь. По крайней мере, она, похоже, заставила задуматься.

– У тебя комар на лбу.

– Чего?

– Комар, – повторил Сами и показал на него. – На лбу, я могу его прихлопнуть, но тогда твои парни меня пристрелят.

Матти раздраженно провел по лбу, посмотрел на пальцы и повторил движение в противоположную сторону.

– Расскажи, что знаешь, мы возьмем чувака, а вы продолжите обычные дела, хорошо и нам, и вам.

– Забудь, Сами. Он мертв.

Сами поймал спокойный взгляд главара. Почувствовал, как сильнее бьется сердце. Это правда? Он сознался? Могла ли услышанная им и сразу отвергнутая теория оказаться правдой. Ему нужно больше информации. Как он умер, и еще важнее...

– Где он?... Или где... ну ты понимаешь.

– Он мертв. Просто еще не знает об этом. – Матти похлопал его по плечу, бросил окуроч на землю и пошел к мотоциклу. Сами смотрел на его спину с головой волка и черной цепью в челюстях во всю ширину. Остальные завели моторы, когда увидели его приближение, но никто не сдвинулся с места, пока Матти не уехал вперед. Шум двигателей разорвал тишину вокруг кладбища, когда они тронулись, выстроившись в кортеж.

Сами вернулся на кладбище. Поводов для радости особенно не было, он надеялся добиться большего. Он остановился, взглянул в сторону вдовы и двух маленьких детей, которых, видимо, ее родители вели за руку к припаркованной машине. Конечно, жаль ее, жаль детей, но Пентти 14 из 38 лет провел за решеткой, дважды получал ножевые ранения, один раз – пулевое, так что, как он полагал, то, что Пентти не дожил до преклонного возраста, не могло оказаться полной неожиданностью. Стоит ли ему заговорить с ней? Могла ли она что-то слышать? В кармане завибрировал телефон, он вытащил его и посмотрел на экран. Звонила Швеция.

Раз, два, три, продано за 65 крон!

Полноватый аукционист стукнул молотком по дощечке и вытер платком пот со лба, прежде чем объявить следующий объект для продажи. Рене сидел далеко справа, как можно дальше от окон с задернутыми шторами в цветочек, которые безуспешно пытались нейтрализовать палящее солнце. В помещении стояла жара и духота, большой вентилятор, медленно вращающийся на потолке, скорее усиливал жар, чем охлаждал. Рене обмахивался сложенным каталогом, не желая снимать темно-синий двубортный пиджак и сидеть в одной рубашке.

Он регулярно посещал аукционы в Оскугене. И был такой не один. Помещение с желтыми стенами забито народом. Большинство приходило сюда ради развлечения, экскурсии, возможности дешево приобрести что-то, что им нравилось или чему они находили применение. Парочка экспертов тоже присутствовала. Рене узнал как минимум двоих. Оба пятидесятилетние мужчины, которые часто появлялись на местных сельских аукционах. Они пытались скрыть свои знания, чтобы не привлекать лишнее внимание, но Рене уже давно за ними наблюдал. Они точно знали, что покупать и за сколько.

Как и Рене, хоть и совсем по другим причинам.

Сегодня торговали имуществом двух умерших. По всему помещению и наверху на маленькой сцене стояла мебель, фарфор, электрические приборы, светильники, безделушки, картины, ковры, инструменты, зеркала и так называемые микскаранды, которые прямо сейчас выставляли на торги. Карандалы с разными мелочами – чья ценность была слишком невелика, чтобы торговать ими отдельно.

– Тут у нас микскаранда номер четыре, – объявил вспотевший мужчина, пока его коллега демонстрировал предметы. – Стекланный дельфин, три чашки с блюдцами, шар со снегом, металлическая подставка для посуды и, помимо прочего, маленький садовый гном с тачкой. Все вместе – милые вещицы. Двадцать крон, кто-нибудь?

Рене выжидал, осматриваясь, у него сложилось представление, о том, кто мог бы сделать ставку. На втором ряду руку подняла женщина. Одна из списка Рене. Она уже приобрела лавалампу, вышитую крестиком Мона Лизу и одну из предыдущих микскаранд.

– Есть двадцать крон, – подтвердил аукционист.

– Тридцать, – сказал Рене.

Мужчина с молотком повторил ставку и посмотрел в сторону женщины, предложившей на десять больше.

– Сорок крон, – сказал он и снова повернулся к Рене, который поднял руку и кивнул. – Пятьдесят.

Женщина обернулась, чтобы посмотреть на своего соперника. Рене улыбнулся. Аукционист повторил ставку Рене. Женщина покачала головой.

– Кто-нибудь еще?.. Раз, два, три, продано за пятьдесят крон.

Пока они переходили к карандалу номер пять, Рене подошел к ним и заплатил. Наличными. Это уже была третья покупка за сегодня, хватит. С карандалом под мышкой он покинул помещение, прошел мимо пользующегося популярностью кафе и направился к своей пятилетней «Тойоте Ярис» бордового цвета. Он поставил карандал в багажник, где уже лежали другие приобретенные им сегодня предметы, завел машину и поехал домой, в Хапаранду.

Проехав приличное расстояние по шоссе, он выставил круиз-контроль на 90 км/ч и слился с автомобильным потоком. Обыкновенная машина среди других обыкновенных машин.

Анонимность. Что может быть лучше?

Он вел дела в Хапаранде уже чуть больше двух лет. Жил в двухкомнатной квартире в центре. Работал на полставки в ресторане быстрого питания Мах. Коллегам он сказал, что остальное время учится дистанционно. Архивное и информационное дело в Университете Средней Швеции. Он вдумчиво выбирал именно такую программу, о которой мало кто захочет с ним разговаривать. Он никогда не участвовал в организованных на работе мероприятиях, никогда

не тусовался и не пил пиво с остальными, не ходил в кино или в гости. Не заводил отношения ни с парнями, ни с девушками. Он знал, что коллеги считают его немного странным из-за педантичности в стиле одежды и скрытности, они давно перестали пытаться куда-нибудь его вытащить. Его это полностью устраивало.

С десятков людей в Хапаранде знали о его существовании.

Четверо знали, чем он занимается на самом деле.

Другие в его положении хотели бы, чтобы как можно больше людей – конечно, речь о «правильных» людях – знали, кто они и чем занимаются. Такого рода люди черпали энергию из страха и восхищения. Ренé же видел в этом лишь потакание своему эго. Он не нуждался в лести и не искал признания.

Он знал, кто он и почему.

Успешен, потому что амбициозен и умен.

Когда ему было пятнадцать, родители провели расследование. Все детство он был не таким как все, странным, волком-одиночкой, которому трудно сблизиться с людьми и завести друзей, но после нескольких случаев в ненавистой ему школе они начали сомневаться в его способности к эмпатии. Естественно, это с ним что-то должно быть не так, а не с этими ограниченными людьми без воображения и стремлений, у которых он вырос и с которыми был вынужден жить.

После разных тестов, обследований и дорогих походов к психологу они получили что хотели. Не благодарного сына, осознавшего свою неправоту и в дальнейшем готового сделать все, чтобы перестать ненавидеть каждую секунду их безмозглого мещанского существования. Нет, они получили что-то получше. Диагноз. Подтверждение того, о чем они всегда знали.

О том, что он болен.

Высокофункциональный социопат. Или психопат – мнения разделились. Все же не эта часть диагноза имела значение. Для него. А высокофункциональность.

Другими словами – интеллект.

Позднее он проходил множество тестов на IQ и набирал 139 баллов по шкале Векслера. Он с легкостью проходил отбор в организацию для людей с высоким интеллектом «Менса» и подобные ей сообщества, но совершенно не был заинтересован в причастности к большой группе. Вернее в демонстрации своего исключительного интеллекта.

В тихо работающем радио пела Уитни Хьюстон. Ренé прибавил громкость. Уитни Хьюстон идеальна. У нее было все: голос, внешность, ранимость, сила и откровенность. Цельная артистка. В этом он сходилась с Патриком Бэйтманом, главным героем романа Брета Истона Эллиса «Американский психопат». Ему не нравились другие восхваляемые Бэйтманом музыканты – «Дженесис», Фил Коллинз, «Хьюи Льюис энд Ньюс», да и книга ему не особенно нравилась, он прочитал ее из-за заголовка и не смотрел фильм.

Но вот Уитни...

Он считал ее первый альбом лучшим в мире дебютом, хотя ее личным фаворитом стал My love is your love⁴ 1998 года.

История ее жизни тоже была идеальна с самого начала и до трагического конца. Детство, госпел, поддерживающая, но слишком требовательная семья, насилие, открытие, прорыв, абсолютная вершина, мир у ее ног, медиа, вынужденное сокрытие собственной сексуальности, предательство семьи, падение, попытки вернуться, общественное унижение и в итоге – смерть. Умелый голливудский писатель не смог бы придумать историю лучше и с таким поучительным финалом.

Don't do drugs, kids⁵.

⁴ Моя любовь – твоя любовь (англ.).

⁵ Дети, не принимайте наркотики (англ.).

Ренé улыбнулся, прибавил еще громкости и на разрешенной скорости продолжил путь в Хапаранду.

Кеннет сидел с банкой пива на каменных ступенях, когда Томас завернул на подъездную дорожку перед большим двухэтажным домом с этернитовыми панелями на фасаде и мансардой, из которого вместе с другими немногочисленными жилыми строениями состояла деревушка Норра Стуртрэск. В принципе не требует ремонта, говорил агент, когда Кеннет с Сандрой покупали этот дом два года назад.

В принципе... Несколько панелей треснули и нуждались в замене, и вообще не помешало бы отмыть весь дом – много где он приобрел зеленый оттенок, что Сандра списывала на водоросли, но Томас с опаской думал о плесени. Белая краска на наличниках давно облупилась, и дерево начало гнить. Одно из стекол отсутствовало, и вместо него стояла доска из фанеры, а ступени, с которых Кеннет, казалось, неохотно встал и спустился вниз, потрескались во многих местах вокруг ржавых железных перил. Если проезжать тут мимо по дороге, что мало кто делал, можно было подумать, что этот дом один из всех тех заброшенных и разрушающихся строений в округе.

Томас поднял руку в приветствии и вышел из машины. Племянник никогда не излучал здоровье и бодрость, но сегодня он казался бледнее и худее, чем обычно, когда, волоча ноги, подошел к машине. Распущенные волосы до плеч, темные круги под глазами, черная футболка с похожим на зомби существом, знакомым Томасу по имени Эдди, широкие темно-зеленые висевшие на худых бледных ногах шорты, деревянные башмаки на ногах.

– Какими судьбами? – спросил Кеннет, подходя и порывисто обнимая Томаса.

– Тухло на работе, так что подумал не починить ли бойлер.

– Супер!

– Как у тебя дела? – спросил Томас через плечо, пока открывал заднюю дверь и доставал ящик с инструментами и купленные им запасные детали.

– Хорошо, все хорошо.

– Чем занимаешься?

Кеннет пожал плечами и махнул рукой.

– Да особо ничем, чилю просто.

Он немного потербил рукой жидкую бороду, избегая зрительного контакта с Томасом, а затем повернулся и пошел к дому. Томас внимательно его разглядывал, прежде чем последовать за ним. Ему кажется или Кеннет немного... нервничает? Как будто ему приходится напрягаться, чтобы вести себя как обычно. Томас сомневался, что он мог снова начать принимать наркотики, Сандра никогда бы этого не допустила, сразу выставила бы его. Сандру он любил и не стал бы рисковать тем, что у них было.

Но что-то не то.

В последние годы Томас сблизился с племянником. Томас был единственным из родственников, кто навещал его в тюрьме. Когда Кеннет освободился и решил остаться в Хапаранде, Рита попросила Томаса иногда за ним присматривать, помочь встать на ноги, убедиться, что у него все хорошо.

Сначала Томас пытался уговорить сестру приехать в гости и к Кеннету, и к нему самому с Ханной. Но что-то все время не складывалось, ей всегда что-то мешало. Томас никогда не говорил это прямым текстом, но знал, что именно Стефан не хочет, чтобы она приезжала. Если он хорошо знал своего зятя, то тот противился ее приезду не открыто, а просто давал ей понять, как сильно расстроится, если она приедет. Так что она не приезжала. И не звонила, никакого контакта в социальных сетях. По словам Кеннета, так случилось из-за того, что его, мягко сказать, контролирующий отец регулярно проверял ее телефон.

Порядок как следствие дисциплины и послушания.

Томас знал, что Стефан запретил сыну возвращаться домой. Он мог снова приехать в Стокгольм, но в пригородном доме его не ждали. Стефан ясно давал понять, что у него теперь только двое, а не трое детей.

– Я не вовремя приехал? – спросил Томас, направляясь к дому, давая Кеннету шанс сказать о том, что его тревожит.

– Нет, нет, хорошо, если ты его починишь.

Сандра мылась на работе; где принимал душ Кеннет, Томас не знал. Если вообще принимал. Томас на это надеялся, хотя бы ради Сандры. Бойлер не работал уже больше недели.

Они вошли в маленькую прихожую, Томас помог им переклеить отсыревшие обои. Он открыл находящуюся слева дверь в подвал, которая все еще открывалась с трудом, повернул черный выключатель внутри и спустился вниз по лестнице. Кеннет последовал за ним. Внизу было прохладно и влажно, а Томасу казалось, что он по-прежнему чувствует слабый запах плесени. Он подошел к старой круглой цистерне, которая на неделе активировала установленное им при их переезде устройство защитного отключения. Вероятно, повреждение в катушке. Он взял с собой два новых патрона. Бойлер был частично встроен за системой полок. Чтобы до него добраться, Томасу пришлось отодвинуть несколько пластиковых ящиков с винтами и гвоздями, пару цветочных горшков, пакет с дренажем, коробочку с крысиным ядом и старые банки с краской.

– Как дела с работой? – поинтересовался он, отключил питание бойлера и начал крутить ручку, чтобы слить воду.

– Вяло.

– Ты ищешь?

– Да, но сейчас нет, давно не искал.

Томас отложил разводной ключ, выпрямился и серьезно посмотрел на Кеннета.

– Все нормально?

– Да, конечно.

– Ты немного... отсутствуешь.

Кеннет молча стоял, скрестив руки перед грудью. Он обычно делился личным, не всегда в подробностях, но, по крайней мере, отвечал на прямые вопросы. Сейчас Томас почти не сомневался, что он придумывает, как бы солгать.

– Нее, я просто устал немного, – в конце концов, произнес он, дернув плечом. – Сплю плохо.

– Почему?

– Не знаю. Может, жарко.

Глаза Кеннета блуждали, он растерянно гладил бороду. Томаса посетило то же чувство, как когда племянник встретил его около дома, только теперь он нашел для этого слово.

Загнанный. Кеннет выглядел загнанным.

– Как с Ханной? – спросил Кеннет, нарушив тишину.

– Все хорошо, много работает... Слушай, сольешь воду? Открой кран на кухне.

– Без проблем.

Кеннет ушел наверх, казалось, он даже испытал облегчение, что может на время покинуть подвал. Когда он вернется, Томас переведет разговор на более нейтральные темы, подальше от состояния Кеннета, от ситуации с Ханной.

Он думал о ней с самого утра, с тех пор как она рассказала о теле в лесу. Понял по ее тону, что она ожидала от него большего интереса, что он вовлечется в дело. Как раньше.

Но он не решился. Боялся себя выдать.

Возможно, что-то тревожит Кеннета, но кто такой Томас, чтобы в этом копаться? Одному Богу известно, насколько он устал от собственных тайн.

Ханна сидела за письменным столом с третьей чашкой кофе за день. После совещания и разговора с Финляндией она прочитала присланные отчеты и просмотрела собственные записи, проверяя, есть ли что-то, с чем она может поработать, но она мало что могла сделать, пока Сами Ритола, не установит личность русского в лесу. Гордон отправил запрос в Интерпол и образец ДНК в международный реестр – никто из них пока не ответил. Но погибшие около Рованиemi финны входили в местную мотоциклетную банду, и если жертва находилась в их кругу, то есть вероятность, что Ритола знает кто это, как говорил Гордон. Ханна отправила Ритола фотографию и скрестила пальцы. Но ей надо было найти какое-то занятие, поэтому, допив остатки кофе, она вышла в коридор и потом вниз в офис Гордона.

– Съезжу к Хельгрену, – сказала она, натягивая на себя форменную куртку.

– Зачем?

– У нас все еще идет следствие по нарушению правил охоты, но больше для того чтобы побесить его. – Так как была уверена, что это единственное, в чем она могла преуспеть. Хельгрен сумел выкрутиться, когда доказательства были гораздо более весомыми; то, что они имели на руках сейчас, могло классифицироваться только как косвенные улики.

– Составить тебе компанию?

– Конечно!

Они вместе вышли из участка. Ханна ожидала увидеть кого-то из журналистов снаружи, но никого не было. Проведенная ими в Лулео пресс-конференция с Гордоном по видеосвязи оказалась довольно банальной историей. Они рассказали, что нашли жертву дорожного происшествия, участники которого скрылись, про место аварии, а также попросили тех, кто, возможно, что-то видел в том районе, например, темно-синий автомобиль в начале прошлой недели, сообщить в полицию. Ничего о пулевом ранении, волках или возможных связях с Рованиemi. Но она думала, что в городе, где столкновение с лосем попадает на первые полосы, один лишь факт насильственной смерти вызовет ажиотаж. Очевидно, нет.

Они поехали на машине Гордона, по трассе Е4 на север, мимо «ИКЕА» и выехали из города, на запад. Они проехали совсем немного, как Ханна почувствовала, как уже знакомый, но всегда незванный жар начинает подниматься от груди вверх.

– Да черт, не может быть! – Она опустила стекло, впуская прохладный поток воздуха. Она уже чувствовала, как по шее вниз между грудей начинает течь пот.

– Что такое? – осведомился Гордон, мельком взглянув на нее и рефлекторно снижая скорость.

– Вам так повезло, понимаешь? – больше злобы в голосе, чем она рассчитывала, но это хотя бы маскировало ее желание заплакать. Лучше злиться, чем грустить. – Вам, мужчинам, так чертовски повезло.

– Понятно...

– У меня были месячные каждый божий месяц в течение сорока лет кроме периода беременности, когда я растолстела, все время хотела в туалет и меня непрерывно тошнило.

Гордон молчал, ясно понимая, что нет смысла что-то говорить, пока Ханна раздраженно вытирала пот со лба и терла ладони о форменные брюки.

– Теперь все закончилось, муки позади. Но не тут-то было! Теперь у меня вот эта фигня.

– Хочешь, остановлюсь?

Ханна откинулась на спинку, закрыла глаза и сделала пару глубоких вдохов. Ветер приносил прохладу, волна жара отступила, и Ханна начала приходить в себя.

– Нет, все хорошо... Прости.

– Ничего, перепады настроения случаются, когда нарушается баланс эстрогенов.

Она повернула голову и вопросительно на него посмотрела. Он что, шутит? Он на пару секунд отвлекся от дороги и открыто встретился с ней взглядом.

– Я читал всякое.

– Читал про климакс?

– Я забочусь о своих сотрудниках, – подчеркнул он, слегка дернув плечом. Ханна знала, что это не пустые слова – какие бы проблемы ни возникали у коллег, личные или профессиональные, он придумывал, какую помощь и поддержку мог дать работодатель.

Он – хороший начальник, Гордон Бакман Ниска. Хороший человек.

Но ей все равно хотелось верить, что именно ради нее он приложил чуть больше усилий. Глядя перед собой, она положила руку ему на бедро. Никакого сексуального подтекста, просто тактильный способ показать одобрение, передать эмоцию, что всегда трудно давалось ей вербально. Уголком глаза она заметила, как он поспешно взглянул на нее. Потом положил ладонь ей на бедро и слегка сжал.

Дальше они ехали в тишине, свернули с Е4 и продолжили движение на север. Ханна снова подняла стекло. Десять минут спустя они свернули на такую маленькую дорожку, которую невозможно найти, если не знать о ней. Еле ползли, пока лес не расступился и не показали пять разномастных построек. Жилой дом – выкрашенное желтой краской маленькое низкое строение. За ним более крупная красная дворовая постройка с зелеными двойными дверями на длинной стороне, за счет которых она казалась хлевом, хотя никаких животных там никогда не было. По крайней мере, живых. Сбоку от постройки – деревянный сарай, рядом с ним – собачий загон, где две охотничьи собаки возвестили о приезде Гордона с Ханной непрерывным лаем. Последний дом на участке – сруб с мансардной крышей, похожий на строение из кемпинга. Неясно для чего он использовался – если вообще использовался.

Гордон припарковался, и они вышли из машины. Ханна бросила беглый взгляд назад на автомобиль, направляясь к стоявшему у входной двери Хельгрену, ожидавшему их с недружелюбно скрещенными на фланелевой рубашке руками. Он выглядел моложе своих шестидесяти, моложе П-У, пронеслось в голове у Ханны, поджарый и мускулистый, а лицо выдавало человека, много времени проводящего на улице. Короткая седая щетина и светло-голубые глаза враждебно вглядывающиеся в посетителей из-под кепки с рекламой машинного масла.

– Что вам нужно? – спросил он без намека на более формальное или дружелюбное приветствие.

– У вас дома есть крысиный яд? – прямо спросил Гордон.

– Нет, крыс я пристреливаю, если вижу.

Он как-то сумел сделать ударение на крысах, таким образом, что у Ханны возникло впечатление, что для него и она, и Гордон, и, видимо, все полицейские – животные-вредители.

– А мышей? Их сложнее увидеть?

– Ловушки. У меня на участке нет яда, у меня – собаки.

– Слушайте, да вы настоящий друг зверей, – вставила Ханна.

– Знаете, почему мы спрашиваем?

– Наверное, нашли где-то отравленных зверей, – сказал Хельгрен, и на его лице одновременно отразились усталость и бешенство.

– На вашей земле, – сказала Ханна. Не совсем правда, но был маленький шанс, что, разозлившись, что они там побывали, он автоматически ее поправит и выдаст свою осведомленность об отравлении волков прямо за его владениями.

– У меня много земли и нет ограждений, – спокойно ответил Хельгрен, пожав плечами.

– Можно нам здесь все осмотреть? Внутри домов?

– Нет.

Ханна посмотрела на Гордона, который едва заметно покачал головой. Они могут принять решение об обыске, если преступление предусматривает наказание в виде тюремного заключения и если у них есть повод полагать, что в строениях есть что-то имеющее решающее значение для расследования. Первому критерию ситуация соответствует, но даже если бы они

нашли целый прицеп крысиного яда, они бы никогда на сто процентов не смогли связать это с отравленным мясом.

– Что-то еще?

Гордон огляделся, будто над чем-то размышляет и принимает решение.

– Нет, сейчас все, но мы, возможно, будем заглядывать то и дело.

– Зачем?

– Почему бы и нет?

– Меня в чем-то подозревают?

– Нет, сейчас нет, но, как я уже сказал, будем заглядывать.

Они двинулись назад, Ханне показалось, что она чувствует на спине злобный взгляд Хельгрена. Подходя к машине, они услышали звук двигателя, и через мгновение на участок заехала и припарковалась другая машина. Хорошо одетый мужчина двадцати пяти лет вышел из нее и уверенным шагом, демонстрирующим, что приехал он сюда не впервые, направился к дому. Он без особого интереса взглянул на Ханну с Гордоном и чуть кивнул им.

– Кто это? – поинтересовалась Ханна, обернулась и увидела, как молодой мужчина подходит к Хельгрону, пожимает ему руку и они оба заходят в дом.

– Не знаю, не узнал его.

Гордон двинулся дальше к своей машине. Поколебавшись, Ханна достала мобильный и, в последний раз взглянув на дом, подошла ближе, чтобы четко зафиксировать номер «Тойоты Ярис» бордового цвета, на которой приехал молодой мужчина.

Девочке на площадке было на вид лет восемь.

Положив руки на плечи четырехлетнему брату, она вела его на новую игру и одновременно рассказывала о том, как будет весело. Катя с улыбкой изучала, как маленькая девочка ведет игру по своим правилам, и ела клубнику из стоявшей рядом с ней на парковой скамье коробки. Катя любила клубнику. Она впервые ее попробовала в возрасте этой девочки. В том месте, который она до того момента считала домом, у них клубники никогда не водилось, и вообще, насколько она помнила, в принципе никаких свежих фруктов кроме мелких кислых яблок, растущих на участке.

Они пришли к ней в школу, где все думали, что она живет у тети, потому что мама не может о ней заботиться. Катя, или Таня, как ее тогда звали, не знала, зачем нужна была эта ложь, однажды спросила дома, но ей напомнили делать только то, что ей говорят.

Однажды утром учительницу вызвали из класса, и когда она вернулась пару минут спустя, то явно нервничала и попросила Таню последовать за ней в коридор, где их ожидали двое мужчин. Один вышел вперед с теплой, дружелюбной улыбкой, сел перед ней на корточки и представился Дядей. Второй остался стоять сзади и молчал.

Дядя спросил, не хочет ли она пойти с ним во двор, где они смогут поговорить. Татьяна взглянула на учительницу, которая кивнула, что ей нужно пойти, и та пошла.

На улице они сели на одну из скамеек за спортивным залом. Школьный двор пустовал – все сидели на уроках. Стояла осень, но в воздухе уже ощущалась зима, и Таня дрожала в тонкой куртке. Дядя махнул другому мужчине, который подошел и накинул свою большую кожаную куртку ей на плечи.

– Все еще мерзнешь? – заботливо спросил Дядя. Она покачала головой, опустив глаза. Он достал коробочку с конфетами, взял одну, спросил, не хочет ли Таня, и снова получил качание головой в ответ.

– Я хочу, чтобы ты поехала со мной, – сказал он, убирая коробочку в карман. Она молчала. – Хочу забрать тебя отсюда, в новую школу, где ты сможешь завести новых друзей.

В этой школе друзей у нее не было, но она не собиралась этим с ним делиться. Она сидела, опустив голову, и смотрела на свои сапоги.

– Что скажешь, Татьяна? – спросил он, после того как они довольно долго сидели в тишине. – Хочешь поехать со мной?

Она снова покачала головой.

– Почему?

– Мама с папой, – выдавила она из себя тихо, будто выдохнула.

– Они тебе не мама с папой. Они плохие люди.

Короткое утверждение, которое, как только она его услышала, странным образом показалось ей правдивым. Необъяснимое чувство, иногда посещавшее ее – что когда-то были какие-то другие, что-то другое. Впервые она осторожно повернула голову и посмотрела на него.

– Тебе хорошо у них? Вы ладите? – спросил он.

Папа говорил ей, что случится, если она кому-нибудь расскажет про ситуацию у них дома, если кто-то догадается, что не все гладко. Она не знала этого мужчину, даже не знала, кто он. Он казался добрым, но вдруг он расскажет папе, что она сказала. Может, он приехал сюда, только для того чтобы проверить, что она послушная, хорошая девочка. Так что она старательно закивала.

– Я тебе не верю, – сказал Дядя, но не злясь, как бывало с папой и мамой, когда они думали, что она лжет. – Знаешь, почему я тебе не верю?

Она лишь покачала головой. Казалось, чем меньше она скажет, тем лучше. Тогда он начал рассказывать.

О том, что происходило дома, что они делали, чему ее подвергали.

Он знал обо всем. Как будто бывал там, жил с ними, движения и отвращение в голосе, как будто он пережил это вместе с ней. Когда он закончил, она плакала, рыдала до дрожи. Она втянула голову и так сильно сжала руки на коленях, что пальцы стали ярко-красными. Она чувствовала стыд и испуг, но в то же время и странную легкость.

– Хочешь туда? – он протянул ей носовой платок. Она покачала головой и вытерла сопли, свисавшие с носа как две тягучие нитки. – Если поедешь со мной, больше никто не сможет причинить тебе вред.

Она взглянула на него – в его глазах было что-то, что заставило ее сразу же ему поверить.

Сестра толкнула мальчика, он упал и заплакал. Старшая сестра помогла ему подняться и отряхнула его. Мужчина, которого Катя приняла за их отца, присел перед мальчиком на корточки, повернулся к девочке. Катя выпрямилась, шлепки запрещены, но это не мешало родителям по-прежнему использовать физические меры воздействия на детей. Одно из важнейших правил – никогда не использовать свои знания вне задания, но ничто не мешает ей аккуратно поставить мужчину на место, если он сейчас решит применить к девочке физическое наказание. К счастью, он начал разговаривать с дочерью, явно демонстрирующей, что она раскаивается в своем поступке, и все закончилось примирительным обниманием младшего брата. Мобильный Кати издал сигнал. Она сунула в рот клубнику и взяла телефон. Сообщение от Дяди.

Новое задание. В Хапаранде.

Все сотрудники отдела собрались в переговорной.

Гордон уступил место в президиуме, и Александр «Экс» Эриксон выдвинул стул, закатал рукава светло-голубой рубашки и сел. Узнав о возможной связи с убийствами в Рованиemi, он решил приехать и руководить следствием на месте. Желанное подкрепление. Коллегам он нравился, и это было взаимно, как считал Гордон. Экс уже работал со многими из них, за исключением Людвига.

На противоположной стороне стола под гербом полиции сидел, жуя зубочистку, мужчина в клетчатой рубашке и кожаном жилете – новое лицо, и для Гордона тоже. Сами Ритола. Из полиции Рованиemi. Приехал к ним с тонкой папкой с данными финской полиции о жертве в лесу.

Вадим Тарасов, 26 лет, родился в деревушке в Восточной Карелии, но уже много лет жил в Петербурге.

П-У молча удивлялся, в чем сейчас проблема с электронной почтой и телефонами, что каждый, по-видимому, настаивает на том, чтобы лично сообщить им информацию. Когда они поняли, что Ритола собирается остаться и также присутствовать на брифинге, П-У прямо спросил, зачем тот потратил полтора часа на дорогу, вместо того чтобы просто прислать им все необходимое.

– Я хочу посмотреть, как идут дела с моим расследованием, – со спокойной уверенностью ответил Сами по-фински, а сидящий рядом с ним Морган перевел.

Шведский у Сами хромал, финский у Александра отсутствовал.

– Формально это наше расследование. *Мое* расследование, – жестко подчеркнул Александр, но как будто старался, чтобы его слова не звучали чересчур, так, словно он хочет пометить свою территорию. – Оно касается убийства по неосторожности или преднамеренного убийства этого Тарасова.

– Который был замешан в моем деле, прежде чем оно стало вашим, – кивнул Сами. Справедливое утверждение, а связь между преступлениями делала присутствие Сами уместным, да и никогда не помешает иметь хорошие отношения с финской полицией, думал Гордон. Похоже, Александр мыслил схожим образом.

– Верно, давайте больше не будем дискутировать на эту тему, – сказал он с подкупающей улыбкой. – Дело – наше, но мы более чем одобряем ваше присутствие.

Сами сделал учтивый поклон на стуле и саркастично помахал рукой перед лицом, как будто получил аудиенцию у какого-нибудь короля 18 века.

– Благодарю вас от всего сердца!

Морган молчал, решив не переводить, будучи уверенным, что основной смысл и так понятен. Александр повернулся к остальным присутствующим и вывел на проектор фотографию.

– Значит, погибший – Вадим Тарасов, – отчеканил он, снова поворачиваясь к Сами. – Вы связываете его со стрельбой около Рованиemi на прошлой неделе.

– С адской бойней, – подтвердил Сами. – Семеро убитых, одного из них хоронили сегодня утром.

– Семь убитых финнов? – уточнил Людвиг.

– Четверо. Еще трое русских.

– Тут не все знают детали дела, – вклинился Александр. – Вы не могли бы подробнее рассказать, что произошло в Рованиemi.

– Как я уже сказал, трое русских, четверо финнов. Все тела на месте. Оружие на месте. Так что мы имеем неплохое представление о случившемся.

Пока Морган переводил, Сами открыл перед собой папку и разложил большую часть снимков на столе. Мертвые. Много мертвых.

– Мы уверены, что они устроили деловую встречу. Русские продавали, финны покупали.

– Наркотики? – спросил Ларч, хотя в действительности никто и не думал о чем-то другом.

– Да.

– Вам уже знакомы были эти финны? – поинтересовался Гордон, который встал вместе с Александром, чтобы лучше рассмотреть материалы на столе.

– Все связаны с Susia – мотоциклетной бандой у нас, на севере, занимающейся всякими нехорошими делами. Помимо прочего.

– Что случилось? – спросил Александр.

– Они начали друг в друга стрелять. Этот парень... – Сами показал на один из снимков, где парень лет двадцати лежал перед черной «Вольво ХС90», – один из финнов, так и не воспользовался оружием, стреляли все остальные, так что, мы полагаем, он погиб первым.

Сами ткнул пальцем в другую фотографию. Мужчина, значительно старше предыдущего, вокруг глаза – большая татуировка в стиле «трайбл», от шеи осталась лишь большая зияющая рана.

– Вот этот парень, Пентти, которого хоронили сегодня, расстрелял из автомата этого русского и ранил вот этого, прежде чем ему самому прострелили шею.

Он придвинул к себе еще две фотографии из оставшихся – двое мужчин, не старше тридцати, убиты и лежат на земле.

– Третий финн успевает спрятаться в канаве. Он убил русского, которого ранил Пентти, а потом его тоже застрелили.

– А девушка и вот он? – Ханна показала на две последние фотографии. Худощавый мужчина, на вид самый молодой в банде и девушка лет 25 с зияющей раной в виске.

– Он финн, она русская. Они стреляли друг в друга, но застрелил ее не он. А стрелок, который завалил трех других финнов.

– Вы же сказали, что она русская?

– Да.

– Не понимаю. Ее застрелил Вадим? – спросил Ларч, облекая в слова мысли всех остальных.

– В некотором роде. – Сами замолчал и обвел взглядом всех присутствующих. – У всех четверых были ранения, не соответствующие ни одному найденному на месте оружию, – продолжал Сами, сделав паузу, чтобы, как могло показаться, дать время Моргану для перевода, но и для эффектности. – Повреждения от нарезного оружия. ВСС Винторез.

– Снайпер, – констатировал П-У, интересовавшийся военной историей и знавший почти все об оружии и войне со времен шведского великодержавия.

– Ага, а Вадим служил в армии в качестве стрелка, близко подружился с тем парнем.

Он достал из папки еще одну фотографию. В отличие от других, мужчина на ней был жив в момент съемки и выглядел примерно ровесником Вадима.

– Евгений Антипин. Мы думаем, что Вадим рассказал о сделке и что тот был там, прятался в лесу и застрелил финнов и русскую.

– Что делал Вадим, когда это все случилось?

– Бросился в какое-то укрытие, наверное, – сказал Сами, пожав плечами. – Получилось, судя по всему, так себе, вы разве не говорили, что у него была пуля в заднице?

– Да.

– То есть он подстроил все так, чтобы и финны, и русские погибли, а потом... взял наркотики и деньги, – подытожил Гордон всю имеющуюся информацию.

– Мы руководствуемся этой теорией, да.

– Значит, вам не хватает двоих? – поинтересовался Александр, поднимая фотографию Антипина и рассматривая ее.

– И откуда вы знаете, что Антипин замешан? – добавила Ханна, прежде чем Сами успел ответить.

Он взглянул на них с легкой улыбкой, как будто ожидал оба вопроса и готов был представить им необычный поворот.

– Мы нашли его с пулей в голове в сгоревшем «Мерсе» с российской регистрацией у Мууролы на следующий день после бойни. Винторез лежал в машине.

– И вы можете связать «Мерседес» со стрельбой? – спросил Гордон.

– Пули в нем совпали с пулями из оружия финнов, так что «Мерседес» там точно был.

– Подождите, – сказала Ханна, подняв руку. – Я правильно поняла? Тарасов берет с собой на сделку снайпера, убеждается, что все мертвы, забирает наркотики и деньги, убивает друга-снайпера, едет в Швецию и тут погибает под колесами.

– Похоже, что так, – кивнул Сами. – Я надавил на ребят из Susia, попытался разузнать, кого мы ищем, но, похоже, вы раскрыли это дело.

Гордон посмотрел на кивающего Александра. Сами прав: с момента, как они нашли Вадима Тарасова, стрельба около Рованиеми с полицейской точки зрения была раскрыта. Больше некого было искать или пытаться осудить в связи с бойней в Финляндии. Все причастные погибли и, хотя Сами был им полезен, но целесообразность его присутствия на встрече сразу стала менее понятна.

– Так что теперь вам нужно найти только наркотики и деньги, – сказал Сами, засовывая в рот зубочистку и откидываясь на спинку стула.

– О какой сумме идет речь? – спросил Людвиг, глядя на Сами с вопросительным кивком.

– Согласно нашим данным, мотоциклетный клуб Susia собирался совершить покупку на триста тысяч евро.

Людвиг не удержался и присвистнул. Все понимали, что это означает. Кто-то один или несколько человек имели в распоряжении наркотики на сумму в почти 30 миллионов шведских крон.

– Но если вернуться назад, – сказала Ханна и снова повернулась к Сами. – Тарасов должен был поменять автомобиль в... там где он сжег «Мерс»...

– В Муурола, – помог ей Сами.

– Точно, Муурола. Вы знаете, на какой?

– У нас есть актуальный список украденных автомобилей в этом районе, – сказал Сами, схватив лежавшую перед ним папку и открыв ее.

– Там есть «Хонда»? В Лулео сообщили, что найденные нами на месте остатки краски принадлежат «Хонде».

Сами молча просматривал список. Он занимал всего страницу, так что если Сами не имеет проблем с чтением, то затянувшаяся пауза нужна лишь для драматического эффекта, подумал Гордон и откашлялся.

– Темно-синяя «Хонда CR-V» 2015 года объявлена украденной вечером накануне стрельбы, – наконец сказал Ритола.

Настроение в комнате менялось, это могло привести к чему-то. После утренней пресс-конференции звонков поступило слишком мало, ни одно предложение не требовало дальнейшего разбирательства. Они раскрыли слишком мало деталей, дали слишком размытую информацию. Теперь они смогут спросить об определенной машине, цвете и модели. Куда-то она должна была деться после аварии, и нельзя недооценивать, как люди в деревушках отслеживают, кто к ним приезжает или выезжает, или даже просто проезжает мимо.

– Мы знаем, о каком типе наркотиков идет речь? – спросил Гордон.

– Точно нет, но кажется, что-то синтетическое. Скорее всего амфетамин.

– Не самая наша большая проблема, но она присутствует, конечно, – зачем-то сообщил Гордон. Александр хорошо знал статистику большинства полицейских районов в регионе, Хапаранда – не исключение.

– Если тут кто-то наткнется на амфетамин стоимостью тридцать миллионов, – продолжал Сами. – Как он поступит? С кем свяжется? Где окажутся наркотики?

Вопросы повисли в тишине, никто не хотел рассказывать мрачную и немного унижительную правду.

– Мы точно не знаем, – наконец ответил Гордон. – Мы, к сожалению, плохо осведомлены о том, кто сейчас всем этим заправляет.

– Но это ведь не важно, – включилась Ханна, будто пытаясь его прикрыть. – Если их найдет обычный испуганный швед, то он понятия не имеет, что с ними делать.

– Наверное, попытается получить за них деньги, – констатировал П-У.

– Как? Простые люди не умеют продавать наркотики.

– Когда ты понимаешь, сколько это стоит, то, по крайней мере, попытаешься, – настаивал П-У.

– Я бы удовлетворилась деньгами, – дернув плечом, заявила Ханна.

– Окей, свяжитесь с теми, кого знаете в городе, кто может что-то знать, в любом случае будем держать ухо востро, если реализация внезапно значительно вырастет, – прервал ее Александр, взглянув на наручные часы. Очевидно, пора заканчивать. – Посмотрим, что еще узнаем о «Хонде», завтра начнем обход домов, начнем в Витваттнете и разойдемся шире. Я вызову сюда еще людей. Всем спасибо!

Все встали, но их остановил наклонившийся над столом Сами.

– Вадим Тарасов работал на Валерия Загорного в Санкт-Петербурге. Знаете такого?

Все отрицательно замотали головой, кроме Моргана.

– Олигарх, не самый богатый, в топ пятьдесят, наверное, ходят слухи о его связях с мафией.

– Это не просто слухи, он совершенно точно мафиози и даже больше. Очень влиятельный, очень, очень опасный.

– И почему это важно? – спросил Гордон.

Сами обернулся к нему и впервые за всю встречу показался совершенно серьезным.

– Наркотики принадлежали ему. Он попытается найти ту «Хонду».

Ей досталась одна из больших комнат на верхнем этаже похожего на замок, ветхого здания в центре города. Стены непримечательного темно-зеленого цвета с сероватым оттенком, двуспальная кровать, письменный стол, два кресла в цвет с ковролином, тяжелые гардины с красным цветочным узором на трех окнах, выходящих на площадь, которая совсем была на нее не похожа. Ее уникальность заключалась в том, что с каждой стороны света в центр вели четыре улицы и вливались в круговую развязку, таким образом, площадь состояла из четырех одинаковых частей вместо привычной большой единой поверхности с движением по кругу.

Катя вышла из ванной, где расставила содержимое несессера в определенном, успокаивающем ее, порядке. Одежда уже висела в шкафу, и часть лежала сложенной в одном из ящиков комода около зеркала в полный рост. Комната была готова. Только оружие лежало в сумке. Пистолет Walther Creed с глушителем и лазерным прицелом, нож Винчестер Боуи в ножнах. Она убрала пистолет в сейф и закрепила нож на бедре, никаких неожиданностей в ближайшее время она не ожидала, но мало ли.

Женщину звали Луиза Андерссон. Приехала в Норрланд развеяться. Она почувствовала, что ей нужно сменить обстановку, получить новые впечатления, познакомиться с новыми людьми, зарядить батарейки. По крайней мере, этим она оживленно поделилась с доброжелательной и разговорчивой женщиной-администратором на стойке регистрации при заезде в отель.

Так хорошо снова быть в Швеции, разговаривать и думать по-шведски. Так естественно. Из всех освоенных ею языков шведский давался ей легче всего. Я скучала по разговорам на нем, отметила она, пока нахваливала фантастический свет и спрашивала администратора, есть ли в городе йога-студия. Теперь времени будет предостаточно. Для начала ее вызвали на неделю. Должно хватить для запланированного дела.

Катя набрала в чайник воды в ванной и сделала себе чашку растворимого кофе, пока раскладывала на столе привезенные с собой материалы. Большая часть информации о Ровани-

еми попала к ней из материалов финского расследования – очевидно, кто-то щедро поделился – и из шведской и финской прессы.

Она дважды прочла основные данные, прежде чем достала ноутбук, подключила к нему свой модем – она избегала незащищенного вайфая отеля – и начала поиск возможной новой информации. И нашла кое-что. Полиция искала кого-то, кто, возможно, видел темно-синюю «Хонду CR-V» в том районе в определенное время. Полезная информация, а то о мертвом в лесу не так уж много известно. Имеющиеся сведения, однако, сразу вызвали вопросы.

Что Вадим там делал?

Он только что ограбил очень опасного мужчину, который сделает все, чтобы найти его. Почему бы не поехать по более крупным дорогам, чтобы как можно скорее оторваться от Загорного на максимальное расстояние? Она была рада, что он решил так не делать. Взглянув на карту, она поняла, что кто угодно по той дороге не ездил. Тот, кто сбил его, должен был знать местность, скорее всего, жил в том районе.

Кто-то случайно убил его, а затем оттащил в лес.

Человек совершенно точно был в шоке, не мог рационально мыслить. По имеющимся скудным данным, тело Вадима даже не пытались скрыть, труп был просто прикрыт ветками. Это давало ей некоторую надежду. Она искала человека поблизости, действовавшего инстинктивно.

Не имевшего дел со смертью, не думавшего о последствиях.

Что означало – он совершит и другие ошибки.

Использует деньги. Вероятно, попытается продать наркотики. Пора приступить к работе. Задание от Валерия Загорного понятно.

Найти наркотики и деньги.

Убить того, кто их взял.

Открыв дверь, она услышала игравшую откуда-то из запертых колонок «К Элизе». Людвиг ван Бетховен, вероятно, написано около 1810 года. Один из более или менее банальных фактов, знание которых от нее ожидалось. Мускулистый мужчина с чисто выбритой головой, одетый в синий комбинезон вышел к ней навстречу из одного из дальних помещений.

– Здравствуй, УВ, – поздоровалась она и двинулась ему навстречу с вытянутой рукой.

– Хм, здравствуйте.

Сомнение в голосе и взгляд демонстрировали, что он судорожно ищет в памяти, видел ли ее раньше, и в таком случае где.

– У вас не будет минутки мне помочь? – спросила Катя, кивнув на дверь и двор снаружи.

– Мы закрываемся, – сказал он, быстро взглянув на часы.

– Пять минут, максимум. – Выражающая надежду улыбка с некоторой долей заискивания. Чтобы подчеркнуть, как ей это важно, она положила ладонь ему на руку. – Пожалуйста!

– Мы знакомы? – спросил он, очевидно продолжая пытаться ее вспомнить.

– У нас есть общие знакомые.

– Конечно.

УВ последовал за ней во двор, где с десятков готовых или ожидающих ремонта машин стояли плотно припаркованными друг к другу. Катя снова надела солнечные очки. УВ зажег сигарету, протянул ей пачку. Она покачала головой.

– Какая? – спросил УВ.

Катя показала на «Ауди Q5», которая ожидала ее, когда приземлился частный самолет, а теперь стояла ближе всего к въезду на двор.

– Что с ней не так?

– Думаю, ничего, это совершенно новая арендованная машина.

Она пошла дальше к машине и наклонилась к капоту. УВ остановился в паре шагов от нее, посмотрел на Катю с недоверием и злобой.

– Что вы, черт возьми, хотите?

– Вы работали с людьми, которых я знаю, – сказала она по-русски, чтобы он понял, откуда она. Понял серьезность ситуации. Вероятно, это он понял, но конечно не то, что она сказала. – Вы работали с людьми, которых я знаю, – перевела она.

– Это не объясняет, чего вы хотите, – невозмутимо сказал он. – Я завязал с этим дерьмом.

УВ затаился, но не сдвинулся с места, разглядывал ее, как будто решал, стоит ли оставаться и слушать дальше. Катя подумала, что он все-таки надеется на выгодное предложение. Если она правильно поняла, он постоянно и сильно нуждался в деньгах.

– Я знаю, но иногда все равно доходят слухи.

– Можете просто сказать, что вам нужно, и свалить?

– Кто-нибудь пытался продать большую партию амфетамина? Или есть кто-то новенький, совсем новенький, торгующий на улице?

– Понятия не имею. Я же сказал, что завязал.

– Но вы занимаетесь своими разбитыми автомобилями, немного торгуете краденым, покрываете преступников... – Она отошла от машины, подняла очки на лоб и шагнула к нему. – Вы все еще в курсе происходящего.

– Извините, ничем не могу помочь, – он затушил выкуренную до половины сигарету и на этот раз собрался уходить назад внутрь.

– Слышали что-то о парне, которого они нашли в лесу?

Катя заметила, что он пытается осознать, как связаны эти две вещи, но слишком умен, чтобы спрашивать, потому что знает, что не получит ответа.

– Легавая ищет темно-синюю машину, это все, что я знаю.

– «Хонду».

– Не знаю, – пожал он плечами. – Они тут были вчера и спрашивали, не чинил ли я ее.

– Но вы не чинили?

– Нет.

– Потому что иначе вы бы мне рассказали, – она сумела сформулировать короткое утверждение как угрозу. – Сказали бы, кто ее вам пригнал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.